

НАТАЛЬЯ
АНДРЕЕВА

ЛЮБОВЬ
И СМЕРТЬ
В ТОЛПЕ

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Любовь и смерть.ru

Наталья Андреева

Любовь и смерть в толпе

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Андреева Н. В.

Любовь и смерть в толпе / Н. В. Андреева — «Автор»,
2016 — (Любовь и смерть.ru)

ISBN 978-5-17-097690-4

Флэшмоб — безобидная забава людей, которые ищут развлечений. Игра удивляет, развлекает, озадачивает, а порой и пугает зрителей. Но не наносит вреда... до определенного момента... Пока один умный и расчетливый человек не догадывается использовать это развлечение в своих целях. И тогда на акциях мобберов начинают погибать люди. Раскрыть эти убийства крайне сложно, потому что нет свидетелей, нет следов, есть очень много людей... Но если ты найдешь, кому это выгодно, все встанет на свои места и с преступника можно будет сорвать маску. Что и делают главные герои этой книги.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097690-4

© Андреева Н. В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Вместо предисловия: с чего все начиналось...	6
А теперь собственно предисловие	7
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наталья Андреева

Любовь и смерть в толпе

*Книга от начала до конца лишь вымысел автора, любые
совпадения имен и событий случайны*

Вместо предисловия: с чего все начиналось...

Прежде чем прочно войти в обиход, а потом и в историю, любое явление проходит определенные этапы. Так же и флэш-моб. Поначалу это было просто прикольно: «умная» толпа может собираться в кратчайшие сроки при помощи современных технологий. Имелись и технологии. Идея пришла из-за кордона, как и большинство бредовых идей, умело раскрученных при помощи пиара. Оставалось и у нас попробовать собрать «умную» толпу. Зачем? Да просто так! Ни за чем! В этом-то и прелесть! В абсурдности всего происходящего! Если бы что-то подобное делал один человек, его назвали бы сумасшедшим и упрятали в психушку. Весь «прикол» и вся соль в том, что, объединившись, можно позволить себе многое. Столпившись хоть на лобном месте, на главной площади страны, синхронно совершать нелепые действия на глазах у изумленных прохожих и оставаться безнаказанным. Можно продемонстрировать, как тебе плевать на условности и собрать «умную» толпу, чтобы выделиться из общей толпы. Мол, толпа толпе рознь.

Вирус попал в благодатную почву. У кого в голове, скажите, нет тараканов? А тут спокойно можно приколоться и почувствовать себя героем. Я это сделал! Как всегда, желающих рискнуть оказалось мало. Человек двадцать. Но поскольку все они остались живы-здоровы, болезнь стала прогрессировать и вскоре приняла характер эпидемии. У молодежи появилось новое модное развлечение: флэшмоб. Flash Mob, flashmob, ФлэшМоб, флэш моб, флэш-моб, и то и другое принято. Можно недоумевать, крутить пальцем у виска, пугаться, брюзжать и делать замечания. Можно срывать акции, воззвав к стражам порядка. Это, конечно, сделать можно. Но не лучше ли попробовать разобраться? Вдруг это во что-нибудь выльется? История знает тому немало примеров. Вчерашние бунтари превращались в законопослушных граждан, а то, что они натворили, становилось вехой в истории, с которой начался новый виток в развитии общества. А флэш-моб – развлечение безобидное, окружающим вреда не наносящее. Но с другой стороны...

В общем, автор попытался представить явление со всех сторон. Ведь это актуальный детектив. Как и в случае с романом «Любовь и смерть в прямом эфире», посвященном другому модному явлению: реалити-шоу. А во что это выльется, если явлением попробуют управлять люди корыстные? Или в случае, если идея доведена до абсурда? Само собой, это против правил флэш-моба. Никаких политических, коммерческих и тому подобных целей. Флэш-моб должен быть безопасен для окружающих. Но разве правила существуют не для того, чтобы их нарушать? И разве в правилах Интернета есть, к примеру, взлом сайтов с целью получения сведений конфиденциального характера или бесплатного пользования услугами? То-то и оно.

Разумеется, описываемые в романе события – чистый вымысел, но в принципе это могло бы случиться и на самом деле. Все приведенные ниже сценарии флэш-моба придуманы автором после того, как были изучены сценарии подлинные. Тут главное – проявить фантазию. Чем ярче и прикольнее, тем больше участников соберет акция.

В принципе каждый может попробовать...

А теперь собственно предисловие

... Вот уже с неделю на дверях супермаркета висел огромный красочный плакат: «Нам ровно год! Просим всех на наш юбилей!!! В воскресенье! В одиннадцать часов утра! Всем покупателям – праздничные скидки! Подарки! Детям – игрушки и воздушные шары!».

В воскресенье к открытию магазина собралась огромная толпа. То, что в ней много молодежи, никого не удивляло. Играл оркестр, через стеклянные двери было видно, как в торговом зале суетятся менеджеры. Готовилось что-то интересное. А главное, ожидалось подарки! Юноши и девушки были сосредоточены, никто из них не улыбался, словно бы они пришли сюда не развлекаться, а работать. Едва прозрачные двери супермаркета раздвинулись, в помещение хлынула толпа. Люди ринулись в торговый зал, прихватив тележки. Молодые люди, казалось, никуда не спешили и смотрели на толпу с некоторым презрением. Они задержались у двери, за которой находилось крохотное подсобное помещение. Дверь комнаты была открыта, проход перегораживал стол. За ним двое сотрудников супермаркета при помощи специального аппарата наполняли гелием зеленые воздушные шары, чтобы раздавать их всем желающим. Подразумевалось, что это будут дети.

Мгновение – и у двери выстроилась очередь. Человек пятьдесят, а то и больше. Но не дети. Те самые молодые люди с серьезными лицами. Хвост очереди уперся в стеклянные двери, потом юноши и девушки заполнили «предбанник». Дети, пришедшие в магазин, дергали за руки мам и пап: а мне? Я тоже хочу шарик! Все хотят шарик! Когда конец «хвоста» очутился на улице, сотрудники супермаркета слегка запаниковали. На их лицах было недоумение. «Что происходит?». Но молодые люди вели себя сдержанно. Они брали строго по одному шарiku в руки и тут же выходили на улицу, не глядя друг на друга. Казалось, что все они сами по себе. Вдруг в один прекрасный день полусотне человек пришла в голову идея явиться к открытию магазина, чтобы взять бесплатный воздушный шарик и тут же уйти. Человек сто разом впали в детство. Бывает.

Озадаченные покупатели теперь не спешили хватать корзинки и тележки. Некоторые, почесав в затылке, пристраивались в хвост очереди за воздушными шарами. Эффект толпы заразителен. Если все так делают, вдруг и мне это нужно? Вдруг таким образом можно выиграть ценный приз? Неспроста же все это? Зачем они в очереди-то стоят? Теперь сотрудники супермаркета запаниковали всерьез. Им грозил дефицит... воздушных шаров! Ожидали всякого, товаров было заготовлено много и разных. Но то, что случилось, предположить не мог никто! Управляющий, которому доложили о происшествии, уже готов был забить тревогу. Торговый зал постепенно пустел. Толпа плавно перетекала к подсобке.

Но вскоре все это закончилось. Молодые люди вышли на улицу и замерли, словно бы чего-то ожидая. Каждый держал в руке зеленый воздушный шарик. В одиннадцать тридцать разом зазвонили множество мобильных телефонов. Популярная мелодия была известна всем под названием «В мире животных», по одноименной передаче, в которой она использовалась как заставка.

И в следующую секунду десятки рук одновременно разжались. В воздух взмыли зеленые воздушные шары. Сверкнуло несколько вспышек. Какая-то женщина фотографировала толпу, воздушные шары в небе, озадаченные лица посетителей супермаркета. Приоткрыв дверцу иномарки, мужчина с бородой снимал акцию на видеокамеру. Молодые люди делали вид, что ничего не происходит. После того, как они выпустили из рук зеленые шары, раздались аплодисменты. Потом крики: «Заштопаем озоновую дыру! Спасем Землю! Сделаем воздух нашей планеты чище!».

А еще через минуту молодые люди словно растворились в воздухе. Исчезли. Мгновенно разошлись в разные стороны. Зеленые воздушные шары еще долго кружили над городом, будо-

ража воображение прохожих. «Что это было?» – с недоумением переглядывались люди. Наконец, кто-то предположил: «Флэш-моберы балуются».

– А что это такое? – удивленно спросила женщина с огромной клетчатой сумкой в руке, задержавшись у дверей супермаркета.

– Не что, а кто. Люди такие. Которые собираются в одном месте и дурака валяют, – авторитетно пояснил крупный краснолицый мужчина, поправив очки.

– А зачем? – все больше удивляясь, спросила женщина.

– А просто так! Делать им нечего! – в сердцах добавил мужчина, презрительно сплюнул и вошел в магазин.

Там теперь все шло своим чередом: покупатели наваливали товар в тележки, пробивали на кассе чек, получали при этом заветную десятипроцентную скидку и спешили домой, загружать продуктами холодильники. Все это было привычно и... скучно.

... Флэш-моб «Озоновая дыра» был признан одним из самых удачных и получил много положительных откликов. В местной газете даже появилась коротенькая статья и фотография: воздушные шары над супермаркетом, люди задрали головы и указывают на них пальцами. Главная цель была достигнута: флэш-моб привлек к себе внимание, было много свидетелей, более того, флэш-моберы заразили других людей своей идеей, заставили плясать их под свою дудку. Еще немного, и посетители супермаркета поверили бы в серьезность происходящего и принялись бы за компанию «штопать» озоновые дыры зелеными воздушными шарами. Приятно вдруг почувствовать себя силой. Моберы ликовали. На сайте появились фотографии, потом видеотчет. Впрочем, его качество оставляло желать лучшего.

Один из откликов был следующим:

«...Больше всего я боялся, что никто не придет. Как придурок, возьму воздушный шарик и буду стоять с ним у дверей супермаркета. Один. Тем более что я уже не мальчишка, хотя и оделся, как они. Пацаны, имеется в виду, коих было большинство. Мне вдруг показалось, что я один такой. Хотя и оделся я не в привычный деловой костюм, в котором прусь поутру в свой офис, а в джинсы и растянутую майку, как дома хожу. Уже кайф! На голову напялил бейсболку. А в руки взял воздушный шарик! Ха-ха! Увидел бы меня в этот момент кто-нибудь из моих подчиненных! Но как же мне все надоело! Осточертело! Их озабоченные лица, умные разговоры! Хочется сойти с ума! Хоть ненадолго! Сделать что-нибудь дикое, первобытное, которое ни в какие рамки не лезет! В общем, я с вами, ребята! Нам удалось! Был драйв!!! Когда разом зазвонили несколько десятков мобильных телефонов и в воздух полетели шары, я испытал такое!!! Чувство гордости, честное слово! Хочу предложить свой сценарий...»

Среди десятков других это послание осталось незамеченным. Посетители сайта неистовствовали:

Как мы их, а?! Они ж поверили!!!

Вот это был моб!!! СУПЕР!!!

Все были в астрале! Отпад!

И никто тогда даже предположить не мог, во что это выльется! Не сама акция под названием «Озоновая дыра». И, разумеется, не движение, именуемое флэшмобом. Просто один из тех, кто был в тот день у дверей супермаркета, подумал вдруг, глядя на *все это безобразие*:

«Это же идеальное убийство! Убийство в толпе. Никаких следов, концы в воду. Толпа – это сила. А управляемая толпа – это власть. Надо это использовать. Если когда-нибудь я захочу от кого-то избавиться, лучшего способа и не придумаешь... Смерть в толпе. Стоит попробовать. Надо бы все это освоить. Надо стать среди них своим...»

Глава 1

О самых простых вещах

Зазвонил будильник, как и всегда. Она открыла глаза и протянула руку. Как и всегда. Надавила на кнопку. Потом, как и всегда, полежала минут пять, собираясь с мыслями, набрала в грудь побольше воздуха и решительно откинула одеяло. Встать. Как и всегда. Надо идти на работу. Как...

О Господи! Ну, сколько можно! Внушать себе каждое утро, что ты полезный, нужный сообществу человек, не зря небо коптишь! Да уж! На двух работах трудишься, Любовь Александровна. А все зачем? Из-за денег? Как бы не так! Много тебе одной нужно! Ешь мало, пьешь редко, косметикой пользуешься неохотно, шопингом не интересуешься. А трудишься ты от зари до зари лишь для того, чтобы замертво падать в постель уже за полночь и тут же засыпать. Чтобы неприятные мысли не лезли в голову. Мысли об одиночестве.

Хотя кто сказал, что ты одинока? Твоя лучшая подруга Люська Самсонова, по последнему мужу Иванова, два года назад родила прелестную дочку. Девочку назвали Любовью в честь крестной матери. А крестная мать ты, Любовь Александровна. И дай Бог тебе счастья! Потому что у тебя есть семья! Пусть это семья твоей лучшей подруги, но ты в ней человек незаменимый и далеко не последний.

Люська все время занята, у нее новый, интересный проект, няньки влетают в дом и вылетают оттуда со скоростью звука, как происходит все в жизни Апельсинчика. (Прозвище Людмилы со школьной скамьи). Раньше она меняла мужей, как перчатки. Искала себя. Но вот уже года четыре, как определилась наконец. Нашла. Ее Сережа – действительно идеал мужчины. Стоило столько лет быть в активном поиске! А привычка постоянно что-то менять в своей жизни осталась. Теперь в доме часто меняются няньки. И тебе, Любовь Александровна то и дело приходится «прикрывать» лучшую подругу, сидеть с ее маленьким ребенком. И это притом, что на двух работах трудишься! Да когда дурным мыслям лезть в твою светлую голову? Никогда! Тебе даже некогда контролировать процесс дыхания! А ведь у тебя, Любовь Александровна, тахикардийка. Именно так и сказал твой терапевт. Не тахикардия, а тахикардийка. Понимай, как знаешь. То ли он имел в виду, что жить тебе лет до ста с такой пустяшной болезнью, то ли ничтожность всего происходящего в твоей жизни. Проснулась, Любовь Александровна? Вот и славно!

Раз-два! Вдох-выдох! Аутотренинг закончен! Встала и – марш в ванную! Пол вовсе не такой холодный, как кажется. Из щелей не дует. Есть график отопительного сезона. На который природе, матери нашей, наплевать. Раз-два. Если первого мая вдруг снег пошел, это вовсе не значит, что второго батареи будут теплые. А если в середине октября грянуло бабье лето, будьте уверены, в вашей квартире нечем станет дышать! Положено, граждане, топить – получите. Сами жаловались, что коммунальные службы работают плохо. Мстя коммунальных служб будет ужасна. Попомните вы еще нас. Наше «согласно графику». За который вы же сами дружно голосовали. Если весь июнь идут дожди, это не значит, что горячую воду не отключат, согласно графику. Еще чего! В ванне сыро, осыпается штукатурка, полотенцесушитель ледяной, на балконе мокнет белье. Надо бы застеклить его, этот балкон. А кому, если в доме нет мужчины?

Разумеется, одинокие женщины, которые на двух работах трудятся, идут в частные фирмы и заказывают себе застекленную лоджию. Или балкон, как у тебя, гражданка Петрова. Платят деньги, и в оговоренный срок к ним приходят мужчины и занимаются тем, чем им и положено заниматься. А почему краска бросилась в лицо? Окна они стеклят, а ты что подумала? Ай-яй-яй! Какая же ты бесстыдница, Любовь Александровна! Вот потому, что полдня в

твоим холостячком жилище (иначе и не выразишься) будет находиться посторонний мужчина, ты и терпишь неудобства. Ведь надо же с ним общаться! Надо же его занять беседой! Или не надо? Сидеть мышкой на кухне и ждать, когда он сделает свое дело и уйдет. А если плохо сделает, осмелишься ли ты в свою очередь сделать ему замечание? Нет! Мучительно краснея, сунешь деньги и никогда не позвонишь в оказавшую услуги фирму, чтобы выразить недовольство проделанной работой. Вспомни историю с водопроводчиком. Кран на кухне и по сей день капает, водопроводчик и по сей день пьян. Не с твоих денег, успокойся. Твои в его кармане закончились еще раньше, чем вновь закапал кран. Но разве тебе от этого легче?

Каждый раз из бесплатной газеты, которую бросают в почтовый ящик два раза в неделю, ты аккуратно вырезаешь маникюрными ножничками объявление: «Муж на час». И суешь его под телефонный аппарат на кухне, где уже скопилась целая пачка таких объявлений. Несколько раз ты даже доставала их оттуда с целью позвонить. Два раза даже набрала половину цифр указанного в объявлении номера. И один раз так расхрабрилась, что набрала весь. Но едва в трубке раздались гудки, бросила ее на рычаг. Почему?

Ты же умная женщина, психолог! На двух работах трудишься! Лекции читаешь в институте, после того как защитила кандидатскую диссертацию! И консультируешь в частном порядке людей, у которых есть психологические проблемы. Но диагноз, который ты поставила себе, неутешителен. Страх перед сферой услуг – это не фобия. Это издержки воспитания. А потому не лечится. Даже если ты что-то начинаешь требовать, по твоему лицу сразу видно: интеллигенция. Тебя обматерят, а ты: «Извините, пожалуйста». Вот и живешь с ледяными полами и окнами, из которых нещадно дует.

Когда ты ходишь по магазинам с Люськой, эффект прямо противоположный. Мгновенно вы получаете все, что хотите.

– Люсенька, как у тебя это получается?

– Получается что? – в глазах у подружки недоумение.

– Когда ты сказала, что заветревшийся довесок не возьмешь, продавщица покорно сняла его с весов. Вместо того чтобы сказать: «Шас! А куда я его дену?».

– «Берите все, женщина», – тут же подхватила Люська. – Ага! Шас! Ты что, забыла, сколько лет я за прилавком стояла?! У меня не взгляд – капкан! – хвастается она. – Я сразу вижу, когда меня обвешивают, обсчитывают или надувают, потому и не пытаются. А то я такое устрою!

А кто бы сомневался? Люська – народная героиня после участия в реалити-шоу «Игра на вылет». Ее даже на улице узнают. Денег ей тогда не досталось, проект лопнул, как мыльный пузырь, но зато в качестве бонуса досталась работа на телевидении. Которому всегда требуются свежие лица, особенно такие пикантные, как у Людмилы. Какое-то время Апельсинчик вела кулинарное шоу «Еда без вреда», а потом ушла в краткий декретный отпуск. Программу прикрыли, но теперь у Люсеньки новый проект. Оч-чень интересный! И деньги, слава Богу, есть! Они с Сережей счастливы.

Завистливый вздох. Спокойнее, Любовь Александровна. Спокойнее. Раз-два. Продолжим аутотренинг. Положи перед собой объявление «Муж на час». Сделай глубокий вдох. И намери, наконец, номер. А главное, не бросай трубку после того, как тебе ответят. Авось, и тебе повезет. Хотя бы на час.

Времени нет. Как всегда в таких случаях, ты прячешься за свою занятость: абсолютно нет времени. Две работы, крестница Любаша. Где найти целый день, чтобы застеклить балкон? Ни минутки нет свободной! Ни секундошки! Утренняя разминка закончена. Ты – полезный, нужный сообществу человек. Без тебя мир рухнет. Остановятся заводы, поезда сойдут с рельсов. Законы природы будут нарушены, Земля превратится в спутник Луны. Вот чтобы всего этого не случилось, бегом на работу! Раз-два!

Лекции у тебя сегодня с утра. К девяти надо быть в институте. Проходя мимо своей машины (все ж таки на двух работах трудишься, средства есть), помахать ей рукой. Отдыхай, милая! Ехать тебе, Гражданка Петрова, в центр, а что у нас в центре? В центре у нас мертвые пробки. Только сумасшедший рискнет предпочесть надежному общественному транспорту, в скобках метро, автомобиль тире частную собственность, в скобках не роскошь, а средство передвижения. Что ж, скоро станет роскошью. Слишком уж роскошно тратить время, которого и так не хватает, в бесконечных пробках. Поэтому в центр ты едешь на метро. Только спокойнее. Вдох-выдох. «Метро» – это не слово, это явление. Это не хорошо и не плохо, это есть. И хорошо, что есть!

Тоже не роскошь, но зато ты *едешь*! Куда-то движешься. И есть шанс, что приедешь вовремя. Это твоя основная работа, которая приносит мало денег, но зато приносит чувство глубокого удовлетворения. Твоя халтура денег приносит достаточно, но зато полностью поглощает те положительные эмоции, которые доставляет основная работа.

Первая половина дня пролетает незаметно. Ты выходишь из здания института и видишь *ее*. А кого *ее*? Кто она в твоей жизни? Подруг у тебя немного. А точнее, всего одна. Раньше были, но Апельсинчик затмила их всех. Не в силах конкурировать с ней, Любины подруги как-то незаметно слились. Люська – эгоистка. А все потому, что она человек яркий, эмоциональный. И удивительно деятельный. С такой подругой некогда скучать.

А эта женщина – прямая ее противоположность. Объединяет их одно: обе некрасивы. Но Люська так ослепительно некрасива и так наплевательски к этому относится, что перед ней невозможно устоять ни одному мужчине. Ее энергия бьет через край, наряды вызывающи, волосы ярко выкрашены, а глаза всегда горят. Она без колебаний берет инициативу в свои руки и неизменно одерживает верх. И как итог: у нее красавец муж и двое очаровательных детишек. Старшая «детишка», а точнее детина, в этом году школу уже оканчивает.

А почему вдруг ты взялась их сравнивать? А потому. Ты смотришь на Касю, и во взгляде у тебя беспомощность. В ответ на ее немой вопрос. Ну, как ей помочь? Стоит, руки опущены вдоль тела. Поза, выражающая покорность. Кася чуть выше среднего роста, полновата, с тяжелыми бедрами, у нее круглое лицо, слишком уж простенькое, наивные серые глаза, русые волосы заплетены в короткую толстую косу. Коса перекинута через плечо. Женщина тридцати с лишним лет, с косичкой, заплетенной по-детски. Волосы прихвачены мохнатой резинкой наивного розового цвета. Одета Кася в бесформенный свитер и бесформенные же джинсы. Возможно, ей следует сменить прическу. Или одежду. А, скорее всего, образ жизни.

Кася приехала в Москву лет десять тому назад. Точную дату Люба не знает. Знает только, что приехала Кася по вызову своей подруги, они вместе учились в медтехникуме. После его окончания застенчивая Кася в столице работу не нашла и отбыла на родину, а ее хорошенькая пробивная подружка удачно выскочила замуж и осталась в Москве. Вскоре она родила мальчика. Муж начал заниматься бизнесом и быстро разбогател. Касина подружка обрадовалась и тут же родила второго ребенка. На этот раз девочку. То ли ей стало вдруг скучно, то ли поддавшись веяниям моды, но вскоре после этого разленившаяся красотка выписала из провинции Касю в качестве няньки-компаньонки. Благо особняк, в котором поселилась семья бизнесмена, был огромным и места в нем хватало всем.

Кася пришлась ко двору. Тихая, покорная, работающая. С медицинским образованием. Няничалась с детьми, готовила обеды, прибиралась в доме. Зарплату ей, естественно, не платили. Считалось, что Кася – член семьи. Но когда семья развалилась, выяснилось, что это не так. Муж остался при бизнесе, подруга при алиментах на двух детей, очень, кстати, щедрых, а Кася осталась ни с чем. Дети выросли. Мальчик окончил девятый класс и стал считать себя взрослым, тринадцатилетняя девочка начала носить лифчики, красить губы и грубить бывшей няньке, и Кася вдруг поняла, что они уже не дети. Нянька им больше не нужна. И подруга тоже

это поняла. Что еще чуть-чуть, и алименты ей платить перестанут. К тому же бывший супруг вновь женился. И, по слухам, его вторая жена была беременна.

И вот подруга Каси, пока не грянул гром, поступила в институт и стала учиться на психолога. Благо базовое медицинское образование у нее было, ведь в свое время она окончила медтехникум. Люба отметила сообразительную студентку и была уверена, что у той все получится. Охотно занималась с ней дополнительно, давала советы. Эти беседы Любу увлекали. Долгое время она не могла понять, кто та женщина, которая встречает ее любимицу после занятий? Сестра? Не похоже. Телохранитель? Странно. Женщина ведь. Но каждый раз, когда они, увлеченно беседуя, выходили из дверей института, Люба видела прогуливающуюся вдоль ряда киосков дурнушку, которая при виде их вся вдруг вспыхивала от радости и кидалась навстречу. Красивая Любина студентка при этом порыве недовольно морщилась.

– Кто это? – не удержалась однажды от вопроса Люба.

– Это Кася, – безразлично ответила ее спутница. И все.

Но однажды они все-таки разговорились. И Люба услышала историю Каси. А под конец:

– Ума не приложу, что с ней теперь делать! У меня больше нет средств ее содержать! Бывший муж почти перестал давать деньги, из особняка после развода пришлось съехать. Живем все в трехкомнатной квартире. Тесно. Дети-то разнополые. У Каси нет регистрации. И нет профессии!

– Как так? – удивилась Люба. – Она же медицинское училище окончила!

– Но она ведь ни дня не работала по специальности. Опять-таки регистрация. Я не могу прописать ее в своей новой квартире, – раздраженно сказала женщина. – Зачем мне это надо? На хорошую работу без регистрации не берут, а в государственных учреждениях, куда Кася могла бы пристроиться, такое жалованье, что оплачивать съемную квартиру Касе не по карману. А я хочу, чтобы она от нас наконец съехала. – И, увидев Любин осуждающий взгляд, успешная подруга Каси пояснила: – Поймите, мне надо устраивать личную жизнь! А у меня – Кася.

– Но как она может вам помешать?

– А вы разве не видите? – с растущим раздражением ответила хорошенькая брюнетка. – Она же повсюду за мной ходит! Как дуэнья, честное слово! С кем я могу познакомиться? Мне ходить на свидания с Касей? Ну, какая необходимость приезжать каждый день сюда? К институту? О том, что натворили за день мои великовозрастные дети я и дома узнаю. А они ее теперь и в грош не ставят! Понятно, что Кася каждый раз жалуется! Как же мне все это надоело!

Люба никогда не вмешивалась в чужую жизнь. Но, как сказал великий французский писатель Сент-Экзюпери, мы в ответе за тех, кого приручили. Вина Каси лишь в том, что она слишком доверчива. А ее подруга не пришла сегодня на занятия. Где она? Кто знает. Ясно одно: там, где она сейчас, Кася ей не нужна. Люба невольно отвела взгляд.

– А где... – беспомощно начала было Кася. Вопрос застыл на ее губах, имя подруги она выговорить так и не смогла.

– Послушайте, нам надо поговорить, – решительно сказала Люба. – Как ваше имя-отчество?

Она ожидала услышать что-то вроде «Кассандра Ивановна». И в самом деле, от какого женского имени может быть такая странная производная: Кася?

– Зовите меня просто Касей, – тихо сказала женщина. На глазах у нее выступили слезы.

– Не надо реветь, немедленно успокойтесь, – Люба крепко схватила несчастную за локоть и потащила в сторону ближайшего уличного кафе.

Усадила под красный зонт с надписью «Кока-кола», спросила:

– Чай, кофе? Или, может, вы пьете?

Внимательный взгляд: лицо у Каси свежее, кожа ровная, нежно-розового цвета, мешков под глазами нет. Не похоже, чтобы женщина увлекалась спиртным.

– Нет, что вы, – замотала головой Кася. – Я спиртных напитков вообще не употребляю, Любовь Александровна!

– Вы знаете, как меня зовут?

– Конечно! Марина только о вас и говорит! Что вы такая умная! Самостоятельная! Настоящий профессионал!

«Марина – это ее подруга. Моя студентка». Люба вновь внимательно глянула на Касю и спросила:

– А есть хотите?

Женщина молчала. Люба, не задавая больше вопросов, принесла два кофе, шашлык и салат из помидоров-огурцов. Поставила тарелки перед Касей:

– Ешьте.

Та стала есть жадно, но аккуратно. Стараясь не показать, как сильно голодна. Люба вновь почувствовала жалость. Ну, что тут поделаешь?

– Сколько вам лет? – спросила она.

– Много.

– Ну, не больше, чем мне, – усмехнулась Люба.

– А вам сколько?

– Тридцать семь.

– Мне поменьше, – вздохнула Кася. – Но для того, чтобы начать жизнь сначала, все равно многовато.

– Трудовая книжка есть?

– Нет, – тихо ответила женщина.

– Как же вы собираетесь жить? Ни стажа, ни регистрации. Никаких гражданских прав. Вы когда-нибудь думали об этом?

– Нет, – уткнулась в тарелку Кася.

– Какая безответственность! – разозлилась вдруг Люба. На глазах у Каси вновь выступили слезы.

«Не такая уж она и дурнушка, – вдруг подумала Люба. – Простое русское лицо. Милое. Полновата, да. Но, опять-таки, на любителя. Многим нравятся такие вот уютные, мягкие женщины. А сама-то? – спохватилась она и невольно одернула кофточку. За зиму поправилась на четыре килограмма, надо над этим работать. – Замуж ее выдать? Тоже мне, сваха! Себя сначала выдай!».

– Я ушла из дома, – еле слышно сказала Кася.

Люба очень удивилась. При женщине не было никаких вещей.

– И когда вы это решили? Уйти?

– Не надо так, – тихо попросила Кася.

– Не надо как?

– На вы.

– Хорошо. И когда же ты решила уйти из дома?

– Сейчас.

– Тебе есть куда идти?

– Нет.

Люба невольно вздохнула. Какая безответственность! В голове вдруг мелькнуло: «Ты же хотела завести котенка. Или щенка. Вот тебе и... развлечение. А совесть у тебя есть? Ведь это же человек! Живой человек!».

– Хорошо, – кивнула она. – На какое-то время я могу тебя приютить. Я живу одна...

– Ой, спасибо, Любовь Александровна! – вспыхнула от радости Кася. Волнение ее странным образом преображало. Она даже становилась хорошенькой. Щеки зарумянились, глаза заблестели. Нет, не дурнушка.

– Я не договорила. У меня довольно-таки тесно. Однокомнатная квартира. Да и помощница по хозяйству мне не по карману...

– Мне вовсе не надо платить! – горячо сказала Кася.

– Дай же мне договорить! – Люба начала раздражаться. – Тебе надо научиться брать за свою работу деньги. Помощь по хозяйству – та же работа. Ты должна иметь в кармане деньги на расходы. Понимаешь? У тебя есть деньги?

Кася замотала головой. Люба начала подозревать, что в кармане у нее ни копейки.

– Хорошо, – вздохнула она. – Сейчас мы поедем ко мне. Сегодня мне предстоит визит в больницу. К одному из моих пациентов. То есть клиентов. Это длинная история, – поспешно сказала она, поймав удивленный Касин взгляд. – Потом я тебе расскажу. Но не сейчас.

Она кинула взгляд на часы. Времени не так много. Надо успеть в больницу. И не исключено, что Апельсинчик позвонит. Ее последняя няня одной ногой уже за дверью. А если устроить туда Касю? Няней? Люся ее не обидит. В смысле денег. А как тогда с жильем? Жить у нее постоянно Кася не может. Ивановых четверо, у них семья. Люся, конечно, человек добрый, но вдруг и Кася у нее не приживется? Ладно. Устроится как-нибудь. Надо пройтись по знакомым. Честные работающие люди нужны всем. А Кася – человек честный. По рассказам Марины, ее подруги.

– Подруга знает, что ты ушла? – спросила Люба, расплатившись.

– Нет.

– Звони, – Люба протянула ей мобильник.

– Нет! Я лучше по домашнему! – испугалась Кася. – Потом.

– Потом так потом. Пошли.

Они направились к метро. Кася что-то говорила, но Люба ее почти не слышала. Она думала. Правильно ли я поступаю? Не лучше ли Касе отправиться домой, в родной город?

Уже у себя в квартире, показывая однокомнатные «апартаменты» госте, Люба спросила:

– Кася, а вернуться не хочешь?

– Куда? – откровенно удивилась женщина.

– Домой. Кстати, ты откуда родом?

Название города Любе ничего не говорило. Да и вряд ли кто-нибудь о нем слышал, кроме его коренных жителей и обитателей окрестных деревень. Российская глубинка.

– Это далеко, – туманно сказала Кася и махнула рукой в сторону окна: – Там.

«Запад или Восток? А может, она южанка? Непохоже. Скорее Поволжье. Новгородская область. Или Сибирь? На сибирячку похожа!».

– Что, большой город? – поинтересовалась Люба.

– Двадцать тысяч жителей. У нас в семье четверо детей. Я – старшая. Жили бедно, – охотно начала рассказывать Кася. – Отец работал на заводе...

– Как же тебя все-таки по отчеству?

– Ивановна.

Люба чуть не рассмеялась: угадала! Надо же! Осталось спросить, откуда у нее такое странное имя?

– ... уехала в Москву, поступила в училище. Когда окончила, мама попросила вернуться. Она как раз родила, – тихо добавила Кася.

– Ого! Сколько же ей было? Сорок с хвостиком?

– Сорока еще не было. Меня ведь она родила рано. Это был последний ребенок в нашей семье. Мой единственный брат, – с гордостью сказала Кася. – У нас разница в возрасте – восемнадцать лет! Я его очень люблю. Я его нянчила. Как и остальных. А в школу пошел – в Москву подалась. За Мариниными детьми присматривать. Поэтому и замуж не вышла. Некогда было. Да вы и сами видите, какая я.

– По-моему, абсолютно нормальная.

– Скажете тоже! – махнула рукой Кася. – Кто ж меня возьмет!

Люба невольно вздохнула: аналогично. Знала бы Кася ее мысли! Вот и встретились два одиночества. Так, что ли, говорится?

– Вы не думайте, – заторопилась женщина. – У нас очень дружная семья! Мама с папой друг друга так любят! Живут душа в душу. Они – люди верующие. И я их всех очень люблю! Иру, Свету, Игорька...

– Значит, возвращаться тебе некуда? – уточнила она.

– Если б было... – И Кася невольно вздохнула. – Им и так несладко, моим родителям. Семья-то большая. Ирочка замужем, а Света еще нет. В техникуме учится. А работы в городе нет. И мне нет, – тихо добавила она.

– Понятно. Ладно, придумаем что-нибудь. Ты тут осваивайся, а мне надо бежать.

Кася деловито огляделась. И кивнула:

– Не беспокойтесь, я все сделаю. Идите и спокойно работайте.

Люба чуть не рассмеялась. Вот человек! Доверчивый, как ребенок! Ну, как такого обидишь? Спускаясь в лифте на первый этаж и глядя на свое отражение в зеркале, Люба грустно рассмеялась. Вот и закончилось твое одиночество, Любовь Александровна! Теперь у тебя есть Кася. Не котенок, не щенок. Человек. И хлопот с ним побольше. Что же с ней теперь делать?

Глава 2

О вещах самых сложных

Она постоянно ездила в больницу. К человеку, который ни разу не дал понять, что нуждается в ее помощи. Больше всего на свете он хотел умереть, но смерть с этим не соглашалась. Вот уже год они все никак не могли договориться. Видимо, смерти с ним было не интересно: слишком уж легкая добыча. Потому он и жил, то есть мучился. А Люба ему в этом помогала.

Эти встречи долгое время не доставляли ей радости. Хотя и работу эту она не отнесла бы к разряду откровенной халтуры. Случай был сложный. И если бы не параллели, которые Люба провела между собой и своим пациентом, она ни за что бы во все это не ввязалась. Она лечила не только его, но и себя. Та женщина, которая сосватала Любу на эту работу, прекрасно знала непростую историю госпожи Петровой. Потому и сосватала.

Георгий Кимович Климов был человеком очень богатым. Единоличным хозяином процветающей компании, владельцем нескольких магазинов, шикарного офиса почти в самом центре Москвы и многочисленных складских помещений. И все, что к этому прилагается, то есть достаток, у него тоже имелось: трехэтажный загородный особняк, две огромных московских квартиры, вилла в одном из самых солнечных мест Земного шара, многонулевые счета в банках, отечественных и зарубежных, не считая мелочи типа машин, драгоценностей и антиквариата. До недавнего времени Климов был не только богат, но и счастлив. У него была любимая жена, красавец-сын, выпускник престижного вуза, невеста сына. Словом, у него было все.

И в один день все рухнуло. Климов старался не вспоминать, как все это случилось. И прошлое тоже. Сын окончил элитный институт и должен был уехать за границу, чтобы продолжить там свое образование. Разумеется, Георгий Кимович готовил его в продолжатели Дела. Никто не сомневался, что Климов-младший со временем станет главой компании. И невесту ему отец уже подыскал. Из хорошей семьи, с солидным приданым. Как говорится, деньги к деньгам. Свадьбу запланировали через год, а покамест состоялась торжественная помолвка. С взаимными клятвами, заверениями в любви и кольцами. Этот брак обе состоятельных семьи считали очень выгодным. А главное, и молодые друг другу понравились.

Перед отъездом единственного сына за границу Климов решил устроить в своем загородном особняке небольшую пирушку. Только свои, ближайшее окружение. Отметить диплом Климова-младшего, а заодно помолвку. Ну и отъезд, разумеется. Загород они поехали втроем, на одной машине: Георгий Кимович, его жена и сын. Им так хотелось побыть напоследок вместе, что сын сел за руль отцовской машины, а свою оставил на стоянке у дома. Гости должны были собраться только к вечеру, а до того Климовы собирались говорить, говорить, говорить... Ведь им предстояла долгая разлука.

Георгий Кимович дремал на заднем сиденье, он очень устал за эту неделю. Жена сидела рядом с сыном, впереди, они оживленно беседовали и строили планы. Собирались встретиться через два месяца в Швейцарии. Климов благодушно, сквозь дрему слушал, как его родные планируют слетать потом в Париж денька на три, прогуляться по Елисейским Полям, прошвырнуться по магазинам. Жена обожала Париж. Город ее мечты, которая сбылась и продолжала сбываться. Климовой было сорок два года, но никто не дал бы больше тридцати, так прекрасно она выглядела, находилась в отличной физической форме, три раза в неделю ходила в тренажерный зал, потом на массаж, а затем к косметологу. И часто летала в Париж, пройтись по бутикам. Да что там Париж! Климов был готов весь мир положить к ее ногам!

Как он был счастлив в те минуты! Его «мерседес» летел по трассе со скоростью двести километров в час, но Георгий Кимович не ощущал огромной скорости. Хорошая, надежная машина. А навстречу им летела такая же хорошая, надежная машина. Которая, обгоняя впе-

реди идущую, вылетела вдруг на встречную полосу. Оба «мерседеса» не успели затормозить. Столкновение было неизбежно. Сын резко вывернул руль, и их машина вылетела на обочину. Потом пробила ограждение и еще метров пятьдесят летела по воздуху. А потом врезалась в трехэтажное кирпичное здание.

Очнулся Климов в больнице. Ему долго не говорили правду. Травмы были серьезные, но для жизни не опасные. Долгое время он думал, что жена и сын лежат в соседних палатах. А когда сказали, что оба погибли на месте, первое, что Климов подумал: «Лучше бы за рулем был я...» Потом в сердце словно впиалась раскаленная игла. Он остался один. Совсем один. И никакие деньги не могли компенсировать эту потерю.

С тех пор прошел ровно год. Климов впал в глубокую депрессию, состояние его все больше ухудшалось. Врачи всерьез опасались второго инфаркта. Пятидесятичетырехлетнего мужчину ничто больше не интересовало. Он лежал, бессмысленно глядя в потолок. В отдельной палате, больше похожей на гостиничный номер, где были персональный холодильник, телевизор, спутниковая антенна, Интернет и все мыслимые и немыслимые удобства. У дверей – охрана. К Георгию Кимовичу без конца заходили врачи, рядом сустились медсестры. Но Климову теперь было на все это глубоко наплевать. Он безумно любил свою жену. И сына. Оба его покинули, оставив одного на этом свете. Единственная, с кем он хотел теперь разговаривать, была Смерть. Климов призывал ее к себе, но и эта женщина его покинула, разочаровавшись. Это была расплата. Но за что? За какие такие грехи?

Первый раз Любу вызвали в клинику к Георгию Кимовичу через месяц после страшной аварии. Однокурсница, которая работала теперь здесь штатным психологом.

– Ничего не могу с ним сделать, – пожаловалась она. – Лечение не идет впрок. Кости срастаются плохо. Обратились ко мне. А я бессильна. Он ни на что не реагирует. Лежит, в потолок смотрит. Не идет на контакт. Может, тебе с ним поговорить?

– А почему я? – растерялась Люба.

– Ну, как же? Извини, что об этом напоминаю, но...

Люба и так уже все поняла. Несколько лет назад она тоже потеряла мужа и не родившего еще ребенка. И тоже в результате аварии. Она все это пережила. Им с Климовым есть о чем поговорить. Но как же это больно – вспоминать! И вновь пройти через все это! Держа за руку такого же несчастного.

– Я все понимаю, – тяжело вздохнула однокурсница. – Но и ты пойми. Мне же каждый день звонят! На меня давят! Это ведь не простой человек!

– А если бы был простой? – не удержалась Люба. И, догадавшись, в чем тут дело, поинтересовалась: – Тебе хорошо заплатили?

– Ты тоже не останешься внакладе, – заторопилась подруга.

– Ты скажи только: что от него требуется?

– Чтобы он бумаги подписал. У него же контрольный пакет акций. А он не сегодня завтра... В общем, ты понимаешь.

– Нет, – честно сказала Люба. – Надо, чтобы он выжил или чтобы акции продал?

– Я не знаю, – развела руками однокурсница. – Честно. Надо, чтобы он хотя бы пришел в себя. Начал есть. Его ж насильно кормят! И хоть что-нибудь сказал бы.

Люба еле слышно вздохнула. Вспомнила, как мучительно долго пыталась оправиться после трагедии, произошедшей с ней самой. Заперлась в четырех стенах, стала бояться выходить на улицу. Едва оказывалась в открытом пространстве, сердце начинало трепыхаться, давление подскакивало. Страх. Липкий, противный страх – вот что свинцовой плитой навалилось на плечи. Это лечится только временем. И словом.

Она все-таки поехала к Климову. Попыталась наладить с ним контакт. Первое время Георгий Кимович никак не реагировал. Лежал, отвернувшись к стене, и молчал. Первое слово, которое Люба от него слышала, было:

– Больно.

– Больно где? В груди? Сердце болит? Или места переломов?

Климов положил руку на грудь и отрицательно покачал головой. Да, в груди, но это не сердце. Люба его поняла. Душа болит. Хорошо хоть, что болит. Не умерла еще. Болит – значит, у Климова еще есть шанс выжить. В таких случаях надо сказать: «Жизнь продолжается». Но разве это жизнь, если самые близкие тебе люди ушли безвозвратно?

Заговорила она. Рассказывала ему о себе, о том, что случилось несколько лет назад. Климов слушал. Или не слушал. Люба продолжала говорить. Невольно сама увлеклась. Ее монолог продолжался с неделю. В конце концов, Климов узнал о Любе все. А она о нем по-прежнему ничего не знала. Но вскоре ему стало легче. Люба потратила на него полтора месяца. Зато Климов пришел в себя, стал нормально питаться, пить, спать, но был по-прежнему молчалив. Так же молча он выписался из больницы. Люба вздохнула с облегчением. Но через месяц Георгий Кимович попытался покончить с собой. И вновь угодил в больницу.

Этот раз был третьим. Причина – больное сердце, предынфарктное состояние. И как итог – больничная палата. Но к Любе Климов уже привык и хоть и неохотно, но стал с ней разговаривать. Ему прописали постельный режим, усиленное питание, хороший уход. И – беседы с психотерапевтом. Он принял только Любовь Александровну Петрову. А однажды случилось то, чего она, собственно, и добивалась. Климов пошел на контакт!

– Георгий Кимович, ну подумайте хорошенько, – взмолилась Люба. – Неужели вам не для чего жить?

И лицо Климова вдруг просветлело:

– Есть! – оживляясь, сказал Георгий Кимович. – Я вспомнил: есть!

– Слава Богу! – обрадовалась Люба.

А Георгий Кимович начал рассказывать:

– Перед тем как уйти в армию, я женился. Я тогда жил в глубинке, километрах в восьмистах от Москвы. В деревне Ольховка. И знаете, как это бывает, в восемнадцать-то лет. Влюбился по уши в односельчанку. А тут повестка пришла. Мать моя была женщина... гм-м-м... как бы это сказать? Энергичная. Взяла, да и поженила нас. Уже на сверхсрочной я получил от жены телеграмму. О том, что у меня родилась дочь.

– Вот как? – подалась вперед Люба. – И где она сейчас?

– Не знаю, – развел руками Климов. – Честно сказать, я поступил непорядочно. С женой мы не ужились. А тут еще выяснилось, что, пока я был в армии, она загуляла. Но ребенок мой, – с уверенностью сказал Климов. – Родился через девять месяцев после свадьбы. Все, как положено. И похожа Маша на меня. Подбородок точно: климовский. Тут у меня сомнений нет. Когда я узнал, что жена мне изменила, здорово разозлился. Плюнул на все и после армии подался в столицу. Устроился на работу, получил общежитие. Потом поступил в институт. Так началась моя карьера. Деньги я какое-то время жене высылал, но потом мне вдруг стали их возвращать. Справлялся, сказали, что адресат выбыл. Я понял, что бывшая жена денег от меня больше не хочет. Значит, устроила свою судьбу. Ну и я успокоился. Меня повысили в должности, сделали начальником цеха. Через несколько лет я встретился с Анной.

Он вдруг помрачнел. И замолчал. Люба не стала его торопить. Анна – это его погибшая жена. После паузы Георгий Кимович продолжил:

– То есть, я давно на нее заглядывался, но она на меня внимания не обращала. Если бы вы знали, какая это была женщина! Богиня! – с чувством сказал Климов. – Она работала секретаршей при нашем директоре, – тихо продолжил он. – Разные ходили слухи, но я им не верил. Вскоре после того, как мы поженились, Аня ушла в декретный отпуск. И больше уже никогда не работала.

– Сколько сейчас лет вашей дочери? – также тихо спросила Анна.

– Дайте подумать, – наморщил лоб Климов. – Тридцать три. Кажется.

– Где она? Что с ней?

– Не знаю, – беспомощно развел руками Георгий Кимович. – Должно быть, замужем. И у меня внуки. Да-да, внуки! – вдруг оживился он.

– Ну, вот видите! Надо же их найти!

– Да, – кивнул Климов. – Надо. Моя бывшая жена, разумеется, снова вышла замуж. Раз деньги у меня брать перестала. И сменила фамилию. Мою дочь будет трудно найти. Но записана-то она на меня! Климова Мария Георгиевна.

– Вот и надо обратиться в частное детективное агентство, чтобы они нашли Климову Марию Георгиевну. И ее детей.

– Какой же я дурак! – хлопнул себя по лбу Климов. – А вдруг они нуждаются? Живут бедно? И вообще: где они живут? Это же родная кровь! Вот кому я все оставляю!

– Вы не волнуйтесь так, Георгий Кимович, – попыталась успокоить его Люба. – Вы же их совсем не знаете.

– Но кровь-то родная! Моя! – не унимался Климов. – Не чужие люди, дочь и внуки. Мне надо срочно сделать звонок. Дайте мне телефон.

С тех пор его словно подменили. Найти свою дочь – это стало у Климова идеей фикс. Он только об этом и говорил. И каждый день справлялся: как идут дела? Врачи вновь стали опасаться за его здоровье.

– Ему нельзя так волноваться! – внушали они Любе.

– А разве я его волную? Вы же сами просили вернуть его к жизни!

– Такие резкие переходы из одного состояния в другое вредят его изношенному сердцу.

Притормозите его.

И вот Люба ехала в больницу, чтобы, как ей сказали, «притормозить» Климова. Принять на себя очередной всплеск его эмоций. С некоторых пор на встречах с ней настаивал сам Георгий Кимович. Он же платил Любе деньги. Она его не совсем понимала. Климов не требовал, чтобы его лечили. Раньше он просто жадно слушал Любины рассказы о себе, о подругах и просто хороших знакомых, о несчастьях, которые выпадают на долю других. Теперь он с еще большей жадностью ждал от нее информации. Непонятно почему, Климов Любе доверял, хотя по натуре и вследствие положения, которое он занимал, Георгий Кимович был человеком крайне осторожным и к людям относился с подозрением. А вдруг они из корысти в друзья набиваются? Или в наперсники.

Едва Люба вошла в палату, Климов, приподнявшись на локте, спросил:

– Ну что, нашли?

– Кого нашли? – слегка растерялась Люба.

– Как кого? Мою дочь, конечно! – раздраженно сказал Климов.

– Но не я же занимаюсь поисками.

Люба уже знала от персонала, что Климов задает этот вопрос всем, кто заходит к нему в палату. Начиная от санитарки и кончая главным врачом больницы. И все терпеливо отвечают одно и то же:

– Делаем все возможное.

– Я не понимаю: неужели это так сложно? Найти человека, имя, фамилия и отчество которого известны! А также дата рождения и даже место рождения! Я сам видел свидетельство о рождении! – все больше раздражаясь, заговорил Климов. – А у меня фотографическая память. Исчерпывающие данные! На основании которых Маше и был выдан паспорт! Куда как больше? Есть же базы данных! Есть люди, которые этим занимаются! Человек – не иголка. В чем загвоздка?

– Вы у меня спрашиваете? Я не частный детектив. Но если хотите, я проконсультируюсь.

– У кого проконсультируетесь? – все больше повышая голос, спросил Климов.

Она подумала о Стасе. Который и по сей день работал в уголовном розыске. Их свело дело об убийстве Любиного мужа, а развело... Люба затруднялась ответить на вопрос, что же их развело? В таких случаях обычно говорят: не сошлись характерами. Но звонить друг другу не запрещается. Так ведь? «Ты ищешь повод, – сказала она себе. – Получается, что хочешь навязаться». Нет, Стасу она позвонит в самом крайнем случае. Не раньше.

Поскольку она молчала, Климов откинулся на подушку и затих. Люба присела на стул у постели больного. Как можно мягче спросила:

- Как вы себя чувствуете?
- Плохо. Перед смертью я хочу увидеть свою дочь. И внуков.
- Георгий Кимович! Перестаньте говорить о смерти! Вы еще молоды, полны сил.
- Хоть вы мне не врите!
- Я не вру. Я искренне верю, что...
- Замолчите!

Люба уже поняла: ее время потеряно даром. Сегодняшний визит напрасен. Теперь Климов заиклился на своей дочери. Это случается с людьми, пережившими такую трагедию. Чтобы не думать о случившемся, они с головой уходят в какую-нибудь проблему. Хорошо хоть, что Георгий Кимович заиклился на своей родне. Мог бы завести, положим, кактус и мучиться днями и ночами: а почему он не цветет? И когда, наконец, зацветет? Лишь бы не думать об аварии. О гибели близких. Пусть лучше будет кактус.

Она гадала: как с достоинством выйти из создавшейся ситуации? И вдруг дверь в палату открылась, и вошел он. Мужчина, мимо которого не пройдешь равнодушно, особенно если ты незамужняя женщина. Высокого роста, широкоплечий, мускулистый и ко всему прочему, вооруженный взглядом, способным разрезать сталь. Пару раз они с Любой уже сталкивались в больничной палате. Люба уже знала, что зовут его Борисом. И что он – правая рука Георгия Кимовича. В списках держателей акций компании не значится, но входит в Совет Директоров. А лет ему... Гм-м-м... Немного за тридцать. Какая успешная карьера! Сразу видно: парень не промах.

В его присутствии Люба терялась. Да и любая женщина не могла чувствовать себя спокойно. Основной инстинкт прямо-таки толкает ее в объятия особи противоположного пола, рожденной выигрывать битвы. Ведь женщина хочет быть защищенной, а еще больше хочет, чтобы выжило ее потомство. И прекрасно устроилось в жизни. Поэтому инстинктивно выбирает того, чья добыча больше в силу неоспоримого физического превосходства.

Вошедший в палату мужчина сегодня был в белоснежной рубашке с коротким рукавом, и Люба невольно смотрела на его внушительные бицепсы. Вот это руки! Вот почему эти мысли про выигранные битвы и добычу! Интересно, каким видом спорта Борис занимается, что у него такая впечатляющая мускулатура? Не иначе как всеми сразу. Какого дьявола он только помощник Климова? Сидит в офисе? Шел бы на ринг. Или в прерии, седлать диких мустангов. На большее Любиной фантазии не хватало. Но Климов отзывался о своем помощнике лестно. Мозги, мол, у Бориса в порядке. Креативен и деятелен. Почему-то в имени «Борис» Георгий Кимович делал ударение на первый слог. Люба, которой это резало слух, однажды спросила:

- А почему Бóрис?
- Все его так называют, – отмахнулся Климов.

Люба невольно улыбнулась. Что ж, верно подмечено! Он все время борется за свое превосходство, все время в боевой стойке, от того и Бóрис. Имя – прозвище ему идет.

И вот этот Бóрис стоял сейчас в дверях палаты, а Люба не отрываясь смотрела на его руки. Пока не услышала:

- Здравствуйте.

Она невольно вспыхнула и отвела взгляд. В конце концов, это неприлично! А иметь такие бицепсы прилично? Да еще ходить в рубашке с коротким рукавом! Это же преступление против женского пола! Тем более его незамужней части!

Климов посмотрел на своего помощника с неприязнью и нелюбезно спросил:

– Чего пришел?

Люба слегка удивилась. К Борису Климов относился с симпатией, и если уж не радовался откровенно его визитам по причине своего физического и душевного состояния, то прочь не гнал. А сегодня, что называется, нашло. Самообладание Бориса Люба оценила. На тон Климова тот не прореагировал, спокойно взял стул и присел у кровати, с другой стороны. Они с Любой оказались друг против друга.

– Как вы себя чувствуете, Георгий Кимович? – негромко спросил Борис.

– Я себя чувствую нормально! Отвяжитесь от меня!

– Не надо так волноваться.

– Нет, ты мне скажи: что происходит?

– Я не совсем понимаю.

– Да брось придуриваться! Все ты понимаешь! Где моя дочь? От меня скрывают правду? Почему? Ты послал человека в Ольховку?

– Послал.

– И что? – подался вперед Климов.

– Они оттуда уехали, – тихо сказал Борис. – Много лет назад.

– Я это и без тебя знаю, – раздраженно сказал Климов. – Куда уехали?

– В город. По указанному адресу не проживают.

– И это все? Сколько у меня денег?

– Я не понимаю, – и Борис выразительно посмотрел на Любу. Мол, при посторонних такие вещи не обсуждаются.

– Я тебя спрашиваю: сколько у меня денег?! Ты что, не слышал вопроса?! – заорал Климов.

– Если вы требуете полный финансовый отчет, к завтрашнему дню я подготовлю необходимые документы, – слегка побледнев, ответил его помощник.

– Я могу уйти, – Люба приподнялась со своего стула.

– Сидеть! – рявкнул Климов. – Я вам деньги плачу! И тебе плачу!

Он ткнул пальцем в Бориса. Тот побледнел еще больше.

– И за свои деньги я хочу получить то, что хочу! – продолжал орать Климов. – Сколько у меня миллионов долларов? Десять? Двадцать? Пятьдесят? Или все сто? Я хочу отдать один, но получить то, что хочу! Информацию! Я хочу получить свою дочь!

– Георгий Кимович, это того не стоит, – тихо возразил Борис.

– Моя семья того не стоит?! Да что ты в этом понимаешь?! Мальчишка! Щенок! Не тебе решать! Не ты эти деньги заработал! Дать объявление во все газеты! И обязательно в местные. Райцентр наверняка выпускает свою газету. Дать объявление. Купить эту чертову газетенку, в конце концов! Купить этот городок со всеми потрохами! Перетряхнуть! Обшарить каждый закоулок! Они не могли уехать далеко! Им это не по средствам!

– За тридцать лет все могло измениться, – все так же тихо сказал Борис. – Ваша дочь могла уехать за границу.

– Найти! Вернуть! Привлечь Интерпол!

– В конце концов, это безумие, – еле слышно пробормотал помощник Климова. А Люба так же, еле слышно, сказала:

– Он болен. Надо относиться к его капризам с пониманием.

Климов же, который выплеснул эмоции и потерял много сил, откинулся на подушку и уже на два тона ниже, почти спокойно сказал:

– Хочу нотариуса.

– Георгий Кимович... – заикнулся, было, Борис, но Климов грубо его оборвал:

– Ты что, не слышал? Я нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Скажи спасибо этой женщине, – он кивнул в сторону Любы, Борис тут же метнул на нее взгляд. Или ей показалось, или во взгляде была... ненависть? Но Борис улыбнулся, и Люба тут же подумала: показалось. Улыбка у него была замечательная! – Я нахожусь в здравом уме и твердой памяти, – повторил Климов. – Следовательно, могу отдавать распоряжения насчет своего имущества. Я знаю, что вы все от меня хотите. Так вот, – он сделал внушительную паузу. – Акции я не продам. Я намерен оставить все моим внукам. И моей дочери.

– Это как вы решите, – Борис выглядел абсолютно спокойным. Но Любе опять показалось... Да, теперь в его взгляде было откровенное торжество. Должно быть, там идет война. Имеется в виду, в Совете Директоров. За эти самые акции. За власть. При Климове Борис на коне. А что будет без Георгия Кимовича? Конец карьере? Похоже на то. У героев много врагов, а Борис явно тянет на роль героя. С такими-то руками! «Вот бы его увидеть в плавках», – невольно подумала Люба и залилась краской. Слава Богу, на это никто не обратил внимания.

– Чтобы завтра же здесь был нотариус. И вообще: я здоров, – решительно сказал Климов. – Хочу домой.

– Домой... куда? – уточнил на всякий случай Борис.

– Дом у меня один. – Климов вдруг осекся. Вспомнил, что именно туда, в загородный особняк, они и ехали в день трагедии. – Нет, туда не хочу. На квартиру. И нотариус пусть придет туда.

– У вас две квартиры, – напомнил Борис. – Я думаю, следует предпочесть ту, которая находится ближе к клинике.

– Не учи меня жить, – буркнул Климов. И повторил: – Я хочу домой. Мне надо привести в порядок дела.

– Я думаю, надо нанять пару-тройку медсестер из персонала больницы, чтобы они все время находились рядом с вами, – посоветовал Борис. – Чтобы если что-то случится, вам вовремя сделали укол. Если вдруг вы почувствуете себя плохо.

Люба подумала, что он – очень разумный человек. И ответственный. Климов с помощником не прогадал. Но тот вдруг буркнул:

– Надоели. Целый год здесь кантуюсь. Видеть их больше не могу! Врачей, медсестер. А уколы мне делать не надо. Знаю я вас, – обращаясь непонятно к кому, сказал Георгий Кимович. – После того как я акции отказался продавать, вы мне уколите... Яду какого-нибудь дадите. А я жить хочу!

«Ну, вот тебе! Добилась!» – невольно вздохнула Люба.

– Хочу увидеть свою дочь. И внуков, – упорно гнул свое Климов. А потом добавил: – И нотариуса. Я сделаю так, что даже в случае моей смерти вы все равно ничего не получите. И еще... – Он поморщился. – Убери эти морды с глаз моих долой!

– Морды это... – Борис слегка напрягся.

– Охрана! – рявкнул Климов. – Наружного наблюдения хватит, нечего у меня дома торчать, глаза мозолить! Осточертели! И всю прежнюю службу – вон. Понял меня?

Люба поняла. Климов не хочет видеть людей, которые могли бы напомнить ему о прошлом. Которые хорошо знали его покойную жену и сына и случайно могли обмолвиться, задеть за больное.

– Но кто же будет за вами присматривать? – беспомощно развел руками Борис.

– Она, – и Георгий Кимович ткнул пальцем в Любу.

– Я работаю, – возразила растерявшаяся Люба. – У меня лекции в институте. И потом: я не профессиональная сиделка. И, ко всему прочему, я отвратительно готовлю.

– Ну, тогда найди кого-нибудь, – буркнул Георгий Кимович. – Кто умеет готовить.

Люба тут же подумала о Касе. Вот куда бы ее устроить! К Климову! Георгий Кимович платит щедро.

– А сколько у вас комнат? – осторожно спросила она.

– Хочешь ко мне переехать? – развеселился вдруг Климов. – А что? Давай! С тобой не скучно! А места у меня хватит. Четыре комнаты. И кабинет. Надо будет, еще прикуплю. Соседнюю квартиру. А что? – он еще больше развеселился. – И Борис ко мне переедет. Будете жить рядом, в одной квартире.

Он вдруг соединил взглядом Любу и своего помощника. Мысль показалась Климову забавной, а Люба снова вспыхнула. Неужели Георгий Кимович решил заняться сводничеством? Или это для него лекарство от скуки? При мысли, что есть возможность пожить под одной крышей с симпатичным помощником Георгия Кимовича, Люба почувствовала, как все тело запылало. Борис же оставался невозмутим. Люба, увидев это, расстроилась: мечте не суждено сбыться. И сказала:

– Большое спасибо за интересное предложение, но... Я не могу к вам переехать. Но у меня есть на примете человек, который мог бы помочь вам по хозяйству, – заторопилась она. – К тому же эта женщина окончила в свое время медицинское училище и много лет работала няней. Она умеет ухаживать за больными, вести домашнее хозяйство. – Люба на минутку задумалась. Все это она знает с чьих-то слов. А вдруг Кася – неряха? Но возразил, как ни странно, Борис:

– Я не могу доверить Георгия Кимовича незнакомому человеку.

– А это не тебе решать, – в конце развеселился Климов. Из-за болезни и вследствие нарушений психики он легко переходил из одного состояния в другое. Минуту назад кричал и грозился, а теперь готов был хохотать. Люба подумала, что лучше, чем Кася, здесь не справится никто. Она – спокойная, безответная, терпеливая. Вспомнить историю с подружкой. Климов меж тем спросил: – Как зовут твою протеже?

– Кася. Молодая женщина, скромная, работающая, но, правда, без регистрации...

– Тем более! – взвился вдруг Борис.

– Я за нее ручаюсь.

– Кася... – задумчиво протянул Климов. – Какое, однако, странное имя. А регистрация ее мне на хрен не нужна. Надо будет – куплю. Делов на три копейки.

– У вас тоже отчество странное, – напомнила Люба.

– Ну, с отчеством у меня все в порядке. Клуб Интернациональной Молодежи.

– Не поняла?

– Папу так называли. КИМ. Двадцатые годы над миром летели, – подмигнув, пояснил Климов. – Или тридцатые, неважно. Мой дед был пламенным коммунистом. И первым секретарем райкома.

– Может быть, у Каси бабушка была гадалкой? – предположила Люба. – И внучку называли Кассандрой. В честь легендарной пророчицы.

– Чего только в жизни не бывает! – Георгий Кимович был теперь бодр и весел. В хорошем настроении. – То, что у нее нет регистрации, меня даже радует. Из провинции в Москву приезжают, как правило, люди работающие. Тем более, ты ручаешься. А тебе я верю. Если что – спрошу с тебя. Приведешь ее ко мне. Эту... ха-ха? Как ты сказала? Касю? Веди! Я посмотрю.

– Хотелось бы при этом присутствовать, – тут же сказал Борис.

– А тебе-то на нее чего смотреть? – удивился Климов.

– Я хочу смотреть не ее, а ее документы.

– Вот такой он, мой помощник, – обратился к Любе Климов. – Заботливый.

– Что ж, это разумно, – кивнула Люба. – И когда мы...

– Завтра, – отрезал Климов.

– Но зачем же так спешить? – возразил Борис.

– Я раньше тоже так думал. – Лицо Георгия Кимовича стало серьезным. – Зачем спешить? А теперь я думаю по-другому. И потому мы с вами встретимся завтра. Кстати, Борис, приготовь-ка мне отчет о проделанной работе. Я имею в виду поиски моей дочери. Отныне я собираюсь заняться этим всерьез.

Глава 3

Нелюбовь с первого взгляда

«Как бы ей об этом сказать? – раздумывала Люба по дороге домой. – Не получается ли, что я выгоняю ее из дому? Спешу от нее избавиться? Как-то сложатся ее отношения с Климовым? Ведь он больной человек. И... самодур. Это уж точно! Не получается ли, что я отдаю беззащитную женщину на съедение волкам? Да-да! Волкам! Ведь есть еще этот Борис!»

Да, она вновь думала о Борисе. Да, этот уж обнимет так обнимет! Тьфу ты! Какие глупые мысли лезут в голову! Он ведь моложе ее на... А сколько ему на самом деле лет? Вдруг он просто молодо выглядит? Да и какая разница? Борис не для нее. Мысли о нем надо выбросить из головы. И думать о Климове, о том, каково ему будет вне стен больницы, в московской квартире. Завтра Люба повезет туда Касю. За погляд, как говорится, денег не берут. Если они с Климовым друг другу не понравятся и если Кася не понравится Борису, все вернется на круги своя. Тогда Люба «посватает» Касю Апельсинчику в няньки. Кстати, Люська так и не позвонила. Значит, обошлось.

... Дома изголодавшуюся Любовь Александровну Петрову встретил аппетитный запах готовящейся еды. Включив свет в прихожей, Люба невольно замерла. Квартирка сияла чистой, полы были надраены, пыль вытерта со всех поверхностей, даже там, где сама хозяйка откровенно халтурила. Как и все чрезвычайно занятые женщины, откладывала это «на потом». Вот придет черед Большого Праздника, и накануне, непременно взяв отгул... А в результате пыль скапливается годами.

– Добрый вечер! – сияя улыбкой, сказала Кася, появляясь на пороге кухни. Вместо передника вокруг ее талии было повязано полотенце. – Сейчас подам ужин.

И она вновь исчезла на кухне. Люба почувствовала себя неловко. Долго вытирала ноги о половичок, заботливо постеленный в прихожей, искала тапки. Потом долго переодевалась. Когда она вошла наконец на кухню, тарелки были расставлены, приборы разложены, посреди стола, накрытого белой скатертью, красовалась супница. Из супницы торчал половник.

– Вы уж извините, Любовь Александровна, – виновато сказала Кася. – Я открывала ваш шкаф без вашего разрешения. И сервант, – тихо добавила женщина, после чего замерла, сложив руки на груди, в ожидании приговора.

– Все в порядке, – заторопилась Люба. Как неловко! Раздобыла халявную прислугу! И, присев на шаткий табурет, спросила: – Откуда продукты?

И кивнула на супницу. Насколько Люба помнила, холодильник был почти пуст. А денег у Каси не было. Неужели в ее отсутствие женщина ограбила банк?

– В морозилке я нашла куриные потроха. Несколько пакетиков, – пояснила Кася. Люба вспомнила: что-то такое было. Покупая замороженную курицу в супермаркете, Люба, как правило, находила в ней вложенный пакетик с потрохами. Выбросить было жалко, а куда применить субпродукты, Люба не знала. Пихала пакетики в морозилку, когда скапливалось много, выбрасывала. Почему не выбрасывала сразу, объяснить не могла. Сразу было *неудобно*. И вот Кася выгребла все пакетики, разморозила их содержимое и сварила суп с куриными потрохами.

Суп был потрясающим! До сих пор Люба встречала лишь одного человека, который умел так замечательно готовить. Это была все та же Люська – Апельсинчик, лучшая подруга.

– Как тебе это удалось? – только и спросила хозяйка, наливая себе вторую тарелку. – Дома шаром покати!

– У вас много специй, – вздохнула Кася.

Специй? Люба огляделась. Подарок той же Люськи, баночки со специями в деревянном ящичке. Сколько времени прошло с этого момента? По-моему, ни одной из баночек Люба так и не воспользовалась. Выходит, это и есть секрет кулинарии?

– А ты почему не ешь? – спросила Люба, опомнившись. И вторая тарелка опустела.

– Поем еще, – Кася кивнула и присела на табурет. – Я не голодная. Вам нравится?

– Очень!

– Я так рада! – лицо молодой женщины осветилось, и она стала почти хорошенькой. – Я могу обходиться минимумом продуктов. Я очень экономная, у меня все идет в дело.

– Ой, я вспомнила! – спохватилась Люба. – Я же купила продукты! Сумки в прихожей. Суп такой вкусный, что я о них начисто забыла! Растяпа! – поругала она себя.

– Я принесу, – Кася пулей метнулась в прихожую.

– А что ты без меня делала? – спросила Люба, когда та вернулась и деловито начала раскладывать продукты на полках холодильника.

– Убиралась. Готовила. Стирала. Телевизор смотрела.

Телевизор? Люба оглянулась. Маленький телевизор, стоящий на кухне, был включен, но звук приглушен. Меж тем сейчас должна начаться телепередача Апельсинчика.

– Касенька, сделай погромче, – попросила она.

Кася тут же метнулась к столу, схватила пульт и прибавила звук. Все, о чем ее просили, она делала с такой готовностью, что Любе становилось неловко. Как барыня, в самом деле! Расселась! Эксплуататорша! А совесть у тебя есть? Она поднялась и взяла в руки пульт. Вскоре на экране появилось лицо лучшей подруги. Как всегда, Люськины волосы были выкрашены в яркий оранжевый цвет и пышно взбиты. При взгляде на нее на лице у любого человека невольно появлялась улыбка.

– Добрый вечер! – жизнерадостно сказала лучшая подруга. – Как всегда, в это время с вами «Дежурное меню»! И я – Апельсинчик!

– Господи! Как она мне нравится! – простонала Кася. Люба покамест промолчала.

– Итак, первое «блюдо», – лихо подмигнула с экрана Люська. – В Парламенте идет бурное обсуждение нового законопроекта. Дело касается налогов. Так что готовьтесь. Закон есть закон, платить все равно придется. Кстати, последний анекдот на эту тему. В чем сходство депутата и презерватива? Без них приятнее! Ха-ха!

Люба невольно поморщилась и подлила себе еще супа. Грубовато. Но Люська есть Люська. Что же касается выбранной темы... Меньше всего Любовь Александровне Петровой хотелось знать о новом законопроекте. Лучше об этом не думать, а главное – заранее не подсчитывать убытки. Аппетит пропадет. Итак, Апельсинчик теперь ведет программу «Новостей». Новости большей частью криминальные, а учитывая «кулинарное» Люськино прошлое...

– ... На второе у нас сегодня «жареные» факты. Сегодня сгорел дом на Севере столицы. Приехавшие на место происшествия пожарные обнаружили интересный факт. Обгоревший труп мужчины в одной из квартир. Подробности выясняются. Мы обещаем держать вас в курсе расследования. С вами, как всегда, Людмила Иванова!

Люба невольно вздохнула. Неугомонная! Тянет подругу на подвиги! После истории с «подставой» автомобилей, когда они с Апельсинчиком затеяли собственное расследование и влипли в историю, Люська мечтала о карьере журналистки. О серьезной передаче. Но судьба распорядилась иначе. Декретный отпуск, потом интересное предложение от одного из телеканалов, рейтинговая программа, где она – ведущая. Карьера Апельсинчика идет в гору. Люська нравится телезрителям. Такая свойская, что называется, из народа. Стоит только посмотреть на Касю, которая прилипла к экрану.

– ... И на десерт. Клубничка в СЛИВках. Мы, как обычно, сольем вам все, что насобирали на улицах нашего родного города за день. И, разумеется, это будет сладкое. Наш кор-

респондент продолжает следить за жизнью ночных бабочек. В особняке на окраине Москвы, ранее принадлежавшем известному писателю, обнаружен притон...

Замелькали кадры. Люба уткнулась в тарелку. Жизнь ночных бабочек ее не интересует. И вообще: клубничка. Люсенька и К° вечно откапывают нечто экзотическое. Раздался телефонный звонок, и Люба нехотя взяла трубку.

– Ну и как тебе? – услышала она голос лучшей подруги.

– Нормально.

– Нормально?! – взвизгнула Люська. – И это все, что ты можешь сказать?! Глянь, какие кадры! А? Ты где-нибудь такое видела?!

– Как твой рейтинг? – спросила Люба. Она знала, что с некоторых пор рейтинг передачи, которую Люська ведет, стал главной ее заботой. Подруга все время боялась, что ее снимут с эфира. Любе то и дело приходилось ее утешать.

– Нормально, – вздохнула Люська. – Тьфу, тьфу, тьфу! Но мне необходимо срочно что-нибудь придумать. Вот если бы мы с тобой затеяли еще одно расследование, – мечтательно сказала лучшая подруга. – С париками, переодеваниями и так далее. А?

– Я давно уже этим не занимаюсь, – сухо сказала Люба.

– А ты подумай. Может, в твоей жизни происходит что-нибудь интересное?

– Происходит.

– Ну-ка, ну-ка... – сразу оживилась Апельсинчик.

– Я приютила бездомную женщину.

– А-а-а... – разочарованно протянула Люська. – Да разве это интересно?

– Я уже нашла ей работу, – Люба покосилась на Касю и увидела, что та внимательно прислушивается к разговору.

– Кстати, о работе, – подруга вздохнула. – Ты не могла бы завтра посидеть с Любашей?

– Что, опять проблемы с няней?

– Представь себе, да! – с вызовом сказала Люська. – Ну, не везет мне на них. Я знаю, что до обеда у тебя лекции в институте, муж меня прикроет. Но хотя бы во второй половине дня?

– Во второй половине дня я везу Касю к работодателю. Извини.

– Какую еще Касю? – ревниво спросила Люська.

– Ту самую женщину, которую я приютила. Но, возможно, вечером...

– Вот и отлично!

– Люсенька, я ничего не могу обещать...

– Значит, мы договорились! До вечера с ней Петька посидит. Тебе ничего не надо делать. Заехать и проверить, как у них дела. К одиннадцати вернется Сережа, а к полуночи я. У меня запись.

«А утром мне на работу, – невольно вздохнула Люба. – И когда, спрашивается, мне стеклить балкон? Не успеешь оглянуться, как зима настанет!» Невольно она бросила взгляд на телефонный аппарат, под которым лежали аккуратно вырезанные газетные объявления. «Муж на час».

– ... Люба, я очень рассчитываю на твою помощь, – затараторила Люська. – Я уверена, в ближайшем будущем случится что-то такое, что мы все в обморок упадем! Я должна оказаться там первой.

– Где? – удивилась Люба.

– В месте, где это случится! Мне нужна сенсация! Криминальная сенсация! То, чего еще не было!

– Боюсь, что это невозможно, – невольно вздохнула Люба. – Все уже было.

– Брось! – запротестовала неисправимая оптимистка Людмила Иванова. – Надо верить в свою удачу! Мы им всем еще покажем! Чао! Завтра увидимся!

«Кому это им?» – подумала Люба, положив трубку. Потом заметила, что Кася смотрит на нее вопросительно.

– Это моя лучшая подруга. Апельсинчик, – пояснила Люба. – Да, та самая. Мы вместе учились в школе. А точнее, все десять лет просидели за одной партой.

– О! – только и смогла выговорить Кася. И повторила: – О!

– Завтра мне надо к ней заехать и приглядеть за моей крестницей.

– Конечно, конечно! У вас такие друзья! – с уважением сказала Кася.

– Но сначала мы поедem к... В общем, я, кажется, нашла тебе работу. Но работа сложная, – сразу предупредила Люба. – Этот человек болен и у него тяжелый характер.

– Нет такого человека, с которым я не смогла бы ужиться, – уверенно сказала Кася. – А больные, это все равно что дети. Уж с детьми-то я ладить умею! Дети – это... Это счастье!

В ее голосе прозвучала такая затаенная тоска! Люба сразу догадалась, что Кася очень любит детей и скучает по своим воспитанникам.

– Ты звонила подруге? – строго спросила она.

– Да, – кивнула Кася.

– И что она сказала?

– Ничего.

– То есть?

– Сказала: «Хорошо, я соберу твои вещи».

– И когда тебе надо за ними заехать?

– В любое время.

– Ладно, разберемся.

... Неизвестно, кто из них больше волновался, когда они ехали к Климову. Люба, ко всему прочему, сидела за рулем машины. Когда ей было не ко времени, она не упускала возможности попрактиковаться в вождении. За рулем Любовь Александровна Петрова чувствовала себя не слишком уверенно, и машина у нее была под стать ее же способностям. Маленькая, чтобы не было проблем с парковкой, с маломощным двигателем, поскольку Люба боялась высоких скоростей, но зато иномарка, из салона, чтобы чинить по гарантии. Ведь автомеханики относились к разряду сферы обслуживания, сталкиваясь с которой Люба боялась до смерти. И надеялась, что новая машина долго не будет ломаться. Машину Люба взяла в кредит и по этой причине оформила полную страховку. Теперь она чувствовала себя относительно спокойно. И еще одна деталь: машина была нежно-сиреневого цвета. Когда Любовь Александровна Петрова выбирала средство передвижения по каталогу и все-таки остановилась на сиреновой машине, то обругала себя последними словами. Будут ведь насмехаться. Дамочка, да еще на сиреновой машине! Но поделаться с собой Люба ничего не могла. Она знала, что Стас тоже не удержится от язвительного замечания. Но со Стасом они расстались. Да пусть язвит сколько хочет!

– Любовь Александровна?

– А? Что? – она всерьез задумалась. Что-то поделывает Самохвалов, ее почти что бывший. «Почти», потому что официально они не расписывались.

– У вас такая красивая машина!

– Спасибо.

– Мне нравится! Честное слово! – с детским восторгом сказала Кася.

«Как-то нас встретит Климов?»...

Дом, в котором Георгий Кимович теперь жил, был новенький, элитный, с подземной парковкой, консьержем и сплошь оборудован видеокамерами. Но, как и велел Климов, за его гостями велось только наружное наблюдение. Охрана топталась на лестничной клетке, в квартиру их не впускали. Люба и Кася прошли фейс-контроль, из-за железной двери с тремя замками дали добро. Георгий Кимович надежно заперся в крепости, только что не вырыл ров.

Дверь им открыл Борис. Он вновь был в белоснежной рубашке с коротким рукавом и брюках классического покроя. Офисный вариант. Борису это шло. Помощник Климова неприязненным взглядом скользнул по Касе и нелюбезно сказал:

– Заходите.

– А где Георгий Кимович? – спросила Люба.

– Заперся у себя в кабинете с нотариусом. – В голосе его помощника послышалась обреченность. – Подождите в гостиной.

Люба огляделась. Двери, двери. В квартире было не меньше пяти комнат, огромная кухня и два санузла. Шикарный ремонт. Дорогая солидная мебель. В гостиной, куда они прошли, царил полумрак. Окна были занавешены тяжелыми портьерами. Смущенная Кася присела на краешек дивана, обитого темной кожей. Борис не обращал на нее ни малейшего внимания. Люба уже поняла: Кася ему не понравилась. Это была нелюбовь с первого взгляда. И Люба почему-то успокоилась. Инстинктивно женщина ревнует интересного мужчину ко всем, даже если ее собственные перспективы равны нулю.

– На минутку, – позвала она помощника. – Нам надо поговорить. Наедине.

Ей захотелось наладить с ним контакт. В конце концов, Касе здесь жить. Борис вышел следом за Любой в просторный холл. Надменно спросил:

– В чем дело?

Должно быть, это была его манера общения с женщинами. Со всеми, без исключения. Свысока, с чувством собственного превосходства.

– Вы женаты? – неожиданно для себя спросила Люба.

– Нет. Но какое это имеет значение?

– А почему?

– На каком основании вы задаете мне эти вопросы?

– Просто так. Возможно, хочу вам помочь.

– Вы думаете, у меня проблемы с женщинами? – Борис откровенно рассмеялся, показав белоснежные зубы. Люба невольно отметила отличную работу стоматолога. В этот рот была вложена не одна тысяча долларов, Любовь Александровна Петрова прекрасно знала расценки.

– Что вы имеете против Каси?

– Ничего, – пожал широченными плечами Борис. – Она мне безразлична.

– Но вы смотрите на нее с откровенной неприязнью.

– Послушайте вы, *психолог*, – презрительно выделил он последнее слово, – здесь ваши усилия напрасны. Если женщина мне не нравится (а сначала я оцениваю ее как женщину), я не обязан быть с ней любезным.

– А какие женщины вам нравятся? – на всякий случай спросила Люба.

– Вам это интересно? Извольте. Мне нравятся *девушки*, – подчеркнул он, – с внешностью фотомоделей. Красивые, ухоженные. Высокие. Блондинки. А она, простите, корова.

«Ни малейшего шанса, – уныло подумала Люба. – У тебя, маленькая, далеко не худенькая, темноволосая и ко всему прочему *женщина*, нет ни малейшего шанса. А что ты хотела? Он молод, хорош собой, богат». Надо отметить, что среди лекций, которые Люба читала, был и курс для тех женщин, которые очень хотят выйти замуж, но испытывают трудности психологического плана. Люба должна была помочь этим женщинам обрести уверенность в себе. Борис был великолепным наглядным пособием, а практическая работа с ним – отличной возможностью проявить себя. Доказать теорию практикой. Но Люба уже признала, что ей придется сдаться. Борис был непробиваем. А высокие, красивые ухоженные блондинки выходят замуж и без помощи психолога.

– Что ж, – вздохнула она. – Я искренне желаю вам встретить такую женщину.

– Это не проблема. В ночных клубах, куда я хожу, их хватает. Мне бы хотелось, чтобы она, ко всему прочему, что-то из себя представляла. Чтобы у нее было дело. Какое-то занятие

в жизни. Кроме как ходить по салонам красоты и массажным кабинетам. Собственно, поэтому я и медлю с женитьбой. Пока еще не встретил свой идеал. Ну что, я прошел тест? – и Борис обаятельно улыбнулся, вновь показав белоснежные зубы.

«Да он милашка, когда захочет», – невольно подумала Люба. И кивнула:

– Да. Психолог вам не нужен. А что касается Каси, я думаю, что Георгию Кимовичу она подойдет.

– На чем основывается ваша уверенность? – деловито спросил Борис.

– У нее сходный характер. Она терпеливо сносит любые капризы своих хозяев. Я хотела сказать работодателей.

– Отличное качество! Но в первую очередь я хотел бы взглянуть на ее паспорт. Документы хотя бы у нее есть? О том, что нет регистрации, я уже знаю.

– Разумеется, – кивнула Люба. – Паспорт есть.

– Пройдемте в гостиную. Я с ней поговорю.

«Почему он так не хочет допускать постороннего человека до Климова? – гадала Люба. – Должно быть, большие деньги на кону. Боятся за жизнь хозяина. При Климове положение Бориса довольно прочное». Словно прочитав Любины мысли, Борис сказал, слегка придержав ее за плечо:

– Еще два слова. Я всерьез опасаюсь за жизнь Георгия Кимовича. Вы умеете молчать?

Люба кивнула. Его взгляд сверкнул, словно стальной клинок, и буквально впился в нее. Помощник Климова проверял Любовь Александровну Петрову на прочность. Она выдержала.

– Вы, должно быть, гадаете, почему я не спешу с поисками его дочери? – спросил он.

– Да, это немного странно. Георгий Кимович сказал: исчерпывающая информация.

– Во-первых, никто не знает, что это за люди, его наследники. Ведь она наверняка замужем, эта Мария Георгиевна, – Борис поморщился. – Акции компании, имеющей солидный оборот, могут оказаться в руках людей случайных, быть может, малообразованных. Кто знает, как они ими распорядятся? Возможно, согласятся продать. Опять-таки людям случайным. Но все это несущественно, – Борис вновь невольно поморщился.

– А что существенно? – живо спросила Люба.

– Я боюсь, информация, которую я получил, неутешительна. Это касается дочери Климова. И еще больше боюсь, что еще одного удара судьбы его сердце не выдержит.

– Неужели она тоже... Умерла? – Люба ахнула и невольно зажала ладонью рот.

– Вот именно, – кивнул Борис.

– Но тогда... Да, это будет потрясение для Георгия Кимовича. Он только и говорит, что о дочери и внуках. Ему этого не пережить.

– Вот именно, – повторил Борис. – Надеюсь, теперь вы меня понимаете?

– Понимаю. Вы молодец, – с энтузиазмом сказала Люба. – Правильно делаете, что скрываете это от него. Но что же нам теперь делать?

– Я пока не знаю. Вот хотел с вами посоветоваться. Быть может, нам найти кого-нибудь?

– Чтобы эта женщина сыграла роль его дочери? – сообразила Люба. – А что потом?

– Потом... Что-нибудь придумается. Главное – выиграть время. А пока надо его чем-то отвлечь.

– И вы думали, что женщина, которая придет в этот дом в качестве помощницы...

– Вот именно, – в третий раз сказал Борис. – Я надеялся, что она будет молодая и красивая. Что рядом с ней Георгий Кимович воспримет духом. А на роль его дочери мы кого-нибудь найдем.

– Но нужны бумаги. Доказательства. Свидетельство о рождении, в конце концов.

– Свидетельство можно подделать.

– Вы что, с ума сошли? – зашипела Люба.

– По-вашему, лучше будет дать ему умереть? – тоже шепотом спросил Борис. – Сказать правду?

– Я... я не знаю.

– Я послал в Ольховку человека. Надо все как следует проверить. Люди не исчезают бесследно.

– Да. Господи, Кася там одна! – спохватилась вдруг Люба. – Получается, что мы ее бросили.

– Ничего, подождет, – беспечно махнул рукой Борис.

«Она для него – пустое место», – вновь подумала Люба. У дверей в гостиную Борис галантно пропустил ее вперед. Кася по-прежнему, не шевелясь, сидела на краешке дивана. В той же позе, в которой они ее и оставили. Увидев их, она с готовностью встала, в позиции «руки по швам».

– У вас есть паспорт? – сурово спросил Борис.

– Да, конечно!

– Дайте его мне.

Кася поспешно сунула руку в карман ветровки, которую накинула, выходя из дома. Сегодня было прохладно. Это была единственная вещь, которую Кася прихватила из квартиры подруги, не считая того, что было на ней надето. Борис взял Касин паспорт, долго вертел его в руках, почти обнюхивал. Потом тщательно изучал, не пропустив ни единой страницы.

– Гм-м-м... – наконец, сказал он. – Гражданка Колыванова... А почему Кася?

– Меня так с детства зовут. Если хотите, я могу объяснить...

– Не надо. Пусть будет Кася. Замужем, значит, не были? Фамилию не меняли?

– Нет. Никогда! Все, как в свидетельстве о рождении!

– Детей, значит, нет. Не судимы?

– Нет, что вы!

– Я обязан проверить все. Вы же видите, в какой дом попали, – и Борис указал на богатую обстановку гостиной.

– Я понимаю, – тихо сказала Кася. – В особняке, в котором я жила почти десять лет, тоже было много дорогих красивых вещей.

– Тем не менее. Ваш паспорт я пока возьму себе. Так будет надежнее, – и Борис сунул документ в нагрудный карман своей белоснежной рубашки.

– Но... – заикнулась, было, Люба.

– Вы что, мне не доверяете? – уставился на нее Борис. – И кто, по-вашему, позаботится о ее регистрации? Если, конечно, Климов ее наймет.

При слове «регистрация» Кася вспыхнула.

– У меня была регистрация, – виновато сказала она. – Когда я жила в загородном особняке своих прежних хозяев. Временная. Но когда мы переехали в московскую квартиру...

– Ваши объяснения никого не интересуют, – оборвал ее Борис.

В это время в холле раздались мужские голоса. Увидев вопросительный Любин взгляд, Борис сказал:

– Похоже, они уже закончили.

В ответ на его слова в гостиную заглянул сам Георгий Кимович.

– Ага! – сказал он. – Вот и наша новая помощница по хозяйству! Борис, проводи господина нотариуса.

Климов прошел в гостиную, Люба переместилась поближе к дверям. Она слышала, как, очутившись в холле, Борис спросил у плотного седовласого мужчины:

– Ну что?

– Он завещал все Климовой Марии Георгиевне. Или ее прямым наследникам. Завещание составлено по всей форме. Будет храниться в банковском сейфе. А где она, эта Мария Георгиевна? Одному Богу известно!

– Это же миллионы долларов! – зашипел Борис. – Он что, с ума сошел?!

– А что я мог поделать? – развел руками нотариус.

Больше Люба не слышала ничего, Борис и нотариус удалились. Она переключила внимание на Климова, который беседовал с Касей.

– Ну-с... Кася, – явно веселясь, сказал Георгий Кимович. – Кася, да?

Молодая женщина молча кивнула.

– А ты мне нравишься! – вдруг сказал Климов. – Честно слово! Вся такая... Ух! Кровь с молоком! Родиной повеяло. Деревней. Деревенская?

Кася вновь кивнула. Она и не собиралась ему противоречить.

– Узнаю деревенскую кровь. Экая ты... Ух! Готовить умеешь?

Еще один кивок.

– Хорошо?

– Отлично! – сказала за женщину Люба. И добавила. – Я сегодня ела приготовленный Касей суп из куриных потрохов. Вкусно!

– Скажи что-нибудь, – велел Касе Климов.

– У вас очень красивый дом.

– Молодец! Все, решено: остаешься. Борис?! Где ты там?!

Его помощник появился в гостиной.

– Эта девушка здесь остается, – кивнул на Касю Климов.

– Вы бы легли, Георгий Кимович, – вздохнул Борис. – Не бережете себя.

– Как заботится обо мне, а? – подмигнул Климов. – За жизнь мою опасается. Правильно. Я его из грязи вытащил. А без меня он кто? Ноль! Попрут его, ежели со мной что-нибудь случится. Потому он единственный, кому доверяю. Ну, еще тебе, – он ткнул пальцем в Любу. – И тебе.

Георгий Кимович ткнул в сторону Каси. Неожиданно!

– А остальных – вон! – добавил Климов. – Я не барин, мне одной помощницы по хозяйству хватит. Тем более, уколы умеет ставить. Умеешь? – взгляд на Касю. Та кивнула.

– Этой женщине негде жить, – поспешно сказала Люба.

– Как это негде? – удивился Климов. – Вон сколько места! Живи!

– Кася, как? – спросила Люба у своей протеже.

– Я согласна. Очень красивый дом.

– Нам надо забрать ее вещи. Но завтра мы будем здесь.

– Почему завтра? – удивился Климов. – Хочу сейчас! Мне скучно!

– Сегодня я с вами побуду, Георгий Кимович, – поспешно сказал Борис.

– В карты будем играть? – оживился Климов. И с усмешкой: – В карты он, шельмец, играет здорово! Но и я не промах, – тут же похвастался он.

Люба догадалась, что Борис проигрывает хозяину нарочно. Ловкий парень, тут уж ничего не скажешь! Она слегка приуныла. Молодой, красивый и... не промах. Хочет жениться на фотомодели. У хозяина нахватался? Покойная жена Климова была редкой красавицей.

– Что касается оплаты, – сказал Георгий Кимович. Кася испуганно моргнула. Люба схватила ее за руку: молчать! Без этих своих: мне вовсе не надо платить. – Не бойся, не обижу. Харчи мои. Пять сотен в месяц на испытательный срок. Понравишься – будешь получать тысячу. Мало?

– Квартира большая, – сказала за Касю Люба. – Работы много. Уборки. И медицинское обслуживание к тому же. Но сначала должен быть испытательный срок. Это справедливо. Пятьсот долларов за первый месяц, а там будет видно.

При слове «доллары» у Каси округлились глаза. Она испуганно заморгала, и Люба вновь крепко сжала ее руку: молчи. И невольно подумала: «Вот за других ты торговаться умеешь. Себя бы так продавала. Свои таланты».

– Договорились, – кивнул Климов. – Первый месяц пять сотен, понравится – увеличу вдвое. Завтра жду.

Люба перевела дух лишь на улице, захлопнув за собой тяжелую железную дверь:

– Уф! Справилась! Ну и как тебе?

– Красивый, – и Кася еле слышно вздохнула.

– Кто? Климов?!

– Это вы о хозяине?

– Ну да. А ты о ком?

Кася залилась краской. Люба рассердилась не на шутку:

– И думать не смей! Кася, миленькая, мне тебя просто жалко! У тебя нет ни малейшего шанса!

– Да разве я о чем таком помышляю? Просто...

Она замолчала.

– Держись от него на расстоянии, – посоветовала Люба. – Да он и сам тебя будет держать на расстоянии. Ты – птица не его полета. Поняла?

– Да, – потупилась Кася. – Я даже мечтать не смею. Слова не скажу, клянусь! Просто погляжу на него иногда. Красивый, – повторила она. И добавила: – Очень.

«Не хватало еще, чтобы она влюбилась в Бориса! – с ужасом подумала Люба. – В Бориса, который невзлюбил ее с первого взгляда! И который... нравится мне самой. Какая же ты, Любовь Александровна, эгоистка! Это называется: раз не мне, так не доставайся же ты никому! В конце концов, он найдет свою длинноногую блондинку. Но это уже будет совсем другая история».

Люба машинально посмотрела на часы и подумала, что еще не слишком поздно. Надо заехать к Апельсинчику и проверить, как ее старший сын Петя, справляется с обязанностями няньки.

Глава 4

«Шахтеры»

... Это утро начиналось как обычно. Как рядовое утро обычного рабочего дня. На железнодорожной станции «Крюково», несмотря на лето, когда многие предпочитают жить за городом, был полный аншлаг. Зеленоград хоть и считается Москвой, но расположен примерно в получасе езды до ближайшего метро, это при условии, что на Ленинградке и на Пятницком шоссе нет пробок. А пробки там всегда. И дорога в Москву иной раз растягивается на долгие часы. Поэтому самым надежным видом транспорта по праву считается электричка. Она не стоит в огромных пробках, доводящих водителей и машины до белого каления, и даже те, кто имеет в собственности автомобиль, предпочитают порою потолкаться в душном вагоне электрички, лишь бы дорога сократилась. А на работу в Москву ездит добрая половина Зеленограда, который сам по себе город не маленький. Самыми ценными у местных жителей всегда считались электрички, которые по пути к столице имеют мало остановок на промежуточных станциях.

Эта первый раз останавливалась в Химках. Потом на Петровско-Разумовской, где уже было метро. Деловые люди прекрасно знали ее неоспоримые преимущества. Помимо того, что электричка шла практически без остановок, она отправлялась от станции Крюково. Можно было прийти чуть раньше и ехать не стоя, а сидя и попытаться доспать. Учитывая, что впереди долгий рабочий день, это уже немало.

Итак, стоящая у платформы № 3 электричка постепенно заполнялась народом. В двух переходах под железнодорожным полотном была привычная суета: люди пробегали по туннелю, взлетали на платформу и спешили занять места в вагонах. Но в одном переходе суета была деловая. У входа уже расположились торговки семечками, а в глубине, там, где заканчивались ступеньки, бабулька в шлепанцах на босу ногу протягивала руку за милостыней, на выходе же стояла смуглая женщина, потряхивая пучком зелени так, что на одежду спешащих людей падали капли воды.

В параллельном переходе в это же время раздавалась отборная ругань. Не было ни попрошайек, ни лотков с разложенным на них товаром, хотя этот переход был гораздо шире и комфортнее для торговли. А все дело в том, что вот уже несколько дней в нем по непонятным причинам не было света. Ходили слухи, что где-то поблизости идут ремонтные работы. Вроде как роют траншею, и кабель повредился. А когда его починят, неизвестно. Но кого в такой момент интересуют причины? Люди еле-еле двигались в полной темноте, то и дело спотыкались и не переставая ругались. Но деваться некуда: один переход не справлялся с людским потоком, к тому же этот, темный, был ближе к густонаселенному микрорайону, а многие в целях экономии ходили до станции пешком. И ныряли в ближайший подземный переход. И оказывались вдруг в полной темноте. Но русский человек ко всему привычный, терпение – его главная добродетель. В конце любого тоннеля есть свет. Люди и брели на свет, надеясь, что неудобства эти временные и скоро закончатся.

Электричка должна была отправиться в девять пятнадцать. В девять ноль-ноль тоннель постепенно начал заполняться странными людьми. В отличие от людей, спешащих на работу, эти люди были совсем *другие*. Они заходили в тоннель с разных концов, и даже с платформ № 3, № 5 и № 1. Они не спешили покинуть темный тоннель, а, напротив, располагались вдоль стен. Ни слова не было сказано, каждый вроде был сам по себе, но не возникало сомнений, что все они заодно. В итоге в переходе образовалась толпа. В полной темноте те граждане, которые были не в курсе происходящего, начали паниковать.

И вдруг в тоннеле раздался резкий, пронзительный звук. Будто кто-то приложил ко рту свисток и дунул в него. В следующее мгновение вспыхнуло множество крошечных фонариков. Такие фонарики бывают на брелках для ключей. Десятки светящихся точек возникли вдруг в темноте. Люди, спешащие на электричку, оторопели. Движение замерло. Немая сцена длилась недолго. Ровно через тридцать секунд все фонарики также внезапно погасли, и вновь наступил кромешный мрак. В полной темноте раздался сдавленный то ли всхлип, то ли вздох. Должно быть, кому-то наступили на ногу или резко толкнули. Потом переход внезапно начал пустеть. На выходах даже образовалась давка. В итоге кое-кто опоздал на электричку. А кто-то успел вскочить в последний вагон...

...Мертвое тело обнаружили не сразу. В переходе по-прежнему была кромешная тьма. Несколько человек споткнулись о лежащего на земле мужчину, но подумали, что это пьяный, и равнодушно прошли мимо. В конце концов какая-то женщина, выбравшись из темного тоннеля, подошла к двум сотрудникам милиции, проверявшим документы у прохожих, и раздраженно сказала:

– Занялись бы своими непосредственными обязанностями! В тоннеле лежит в доску пьяный бомж, об него уже люди спотыкаются! А света нет! – с торжеством добавила она. – И неизвестно, когда будет! Я уже ходила к начальнику станции! Безобразие!

– А при чем тут начальник станции? – вытирая пот, струившийся со лба, посмотрел на нее один из милиционеров.

– Все вы здесь ни при чем! – заорала женщина. И еще громче: – Немедленно уберите бомжа! Он воняет!

Насчет воню, исходившей от лежащего в тоннеле мужчины, женщина явно преувеличивала. Когда над ним нагнулся сотрудник милиции, он почувствовал отнюдь не запах нечистот, а аромат дорогого одеколона. Спиртным же от мужчины и не пахло.

«Может, сердце»? – подумал сержант и потряс лежащего за плечо:

– Эй! А ну, вставай!

Мужчина не реагировал, и спустя какое-то время двое милиционеров с трудом выволокли неподвижное тело на свет. Только там один из них взглянул на свои руки и удивленно присвистнул:

– Смотри-ка! Да это...

– Кровь!

Едва взглянув на мертвого мужчину, они сразу поняли: никакой это не бомж. Потерпевший был одет в дорогой добротный костюм и светлую рубашку, на ногах – такие же добротные ботинки из натуральной кожи. А еще запах: дорогой одеколон. Сбоку, на пиджаке, расплывалось огромное бурое пятно.

– Похоже на ножевое ранение, – неуверенно протянул тот милиционер, у которого руки были испачканы кровью.

– А где...

Оба, не сговариваясь, метнулись в переход. Там по-прежнему было темно. Послышалась отборная ругань. Один из милиционеров нагнулся и посветил туда, где ранее лежал потерпевший. На земле расплывалась темная лужица.

– Вот он, – сказал другой. – Нож.

– Осторожно!

Это относилось к гражданке, едва не споткнувшейся об орудие убийства. Нож и так уже запинали ногами почти к самой стене.

– Граждане, проходите! Не задерживайтесь!

Один из милиционеров остался в тоннеле, а другой кинулся на улицу вызывать по рации уголовный розыск и охранять потерпевшего. Никуда бы он в таком виде не делся, это само собой, но в критической ситуации сообразительность равна нулю, а пришлось также разгонять

любопытствующих, которые уже начали собираться возле мертвого тела. Молоденький сержант слегка растерялся.

– Ой, мамочки! – всхлипнула одна из старушек. – Убили! Срежь бела дня!

– Гражданка, расходитесь, – сердито сказал сержант. – Нечего тут.

– Я все видала! – затараторила дородная женщина, стоящая у лотка с чулочно-носочными изделиями. И легла пышной грудью на товар, лицо ее стало таинственным. – Там было темно, а потом огни загорелись. И вдруг разом погасли! Это чеченская мафия, говорю я вам! В переходе заложена бомба!

– Помогите! – вскрикнул кто-то, и любопытствующие метнулись прочь от тоннеля, в котором по-прежнему не горел свет.

– Разберемся, – растерянно сказал сержант и стал вытирать с румяных щек пот, который теперь лился градом.

– Вызывайте МЧС! – потребовал энергичный мужчина, прижимая к груди папку, в которой, судя по всему, были документы.

Вскоре раздался вой сирены. «Ну, слава Богу!» – перевел дух сержант. Только передав инициативу в руки приехавших на машине с мигалкой оперативников, он успокоился. Потом приехала еще одна машина. И еще. Вскоре платформу оцепили, а в тоннеле стало светло, как днем. Приехавшие саперы искали бомбу. Так начался этот день. И, собственно, так начинается наша история. О флэш-мобе...

... Люба чувствовала, как глаза слипаются. Вчера ей так и не удалось увидеть лучшую подругу, несмотря на то, что они с Касей просидели у Ивановых до полуночи. Крестницу спать уложила Кася, настояв на этой привилегии. В это время Люба беседовала с Сергеем, который пришел с работы около одиннадцати.

– Пробки, – виновато сказал он. – Кольцевая почти стоит.

Позвонила Апельсинчик, сказала, что запись программы затягивается. Потом надо будет отсмотреть материал и отсортировать снятые за день сюжеты. Какие в мусорную корзину, а какие в дело.

– Еще увидимся, – со вздохом сказала Люба лучшей подруге. Да, жизнь у них напряженная. Но лучше, когда работа есть, а еще лучше, когда ее много. Тогда есть шанс, что и денег заплатят много. Одно из другого никак не следует, но всегда есть вероятность.

Подруга Каси и бывшая ее работодательница опять не пришла на занятия. Было такое ощущение, что она прячется. Но Касина массивная фигура вновь маячила у торговых палаток. Только теперь молодая женщина ждала Любу. Поймав Касин взгляд, та невольно начала выговаривать:

– Тебе вовсе не надо сюда приходить. Я и так делаю все, что могу.

– В последний раз, – заверила Кася и подобострастно посмотрела на свою благодетельницу. Словно преданная собака на своего хозяина. Да, таким, как Кася, всегда нужен хозяин. И Любе опять стало неловко.

Сегодня она выехала из дома на полтора часа раньше, потому что решила воспользоваться личным автотранспортом. Почему-то Люба подумала, что перевозить Касины вещи надо непременно на машине. Какой-никакой, а переезд! Не на себе же все тащить! К огромному Любиному удивлению, Кася вынесла из подъезда того дома, где жила теперь ее подруга, всего две скромных размеров сумки. Да на согнутой руке висело бордовое пальто из плащевой ткани.

– И это все? – с удивлением спросила Люба.

– Все, – кивнула Кася.

– Сколько же ты у нее прожила?

– Лет десять. Половина вещей потерялась при переезде, – виновато сказала Кася. – Из загородного особняка в эту квартиру.

– А вторая половина?

– Я донашивала обувь Марины. У нас один размер.

– А одежда?

– Вот, – Кася с гордостью показала пальто. – Это для меня покупали.

– Понятно: зимой и летом одним цветом. Тебе было не холодно в нем в мороз?

– Я никуда не ходила. Продукты привозили на дом. Это когда мы жили *там*.

Люба поняла, что речь идет о тех счастливых годах, когда Касина подруга еще была замужем за удачливым бизнесменом. Значит, последнюю зиму Кася проходила в этом бордовом пальто на рыбьем меху. И по магазинам и рынкам тоже. Без комментариев.

– Ладно, садись в машину, – сказала она. – Поехали к Климову.

Кася молча кивнула и торопливо полезла в салон. Видимо, ее уход подруга восприняла как избавление.

– Она дома? – спросила Люба, когда Кася захлопнула дверцу.

– Марина? Нет.

Люба уловила в Касином голосе сожаление.

– А кто вынес вещи?

– Инна.

– Дочка? – кивок. – И что она тебе сказала?

– Ничего.

– Как? Выросла на твоих руках, а теперь ей и сказать тебе нечего?

Кася молчала. Люба вставила ключ в замок зажигания. Машина тронулась. Пауза. На заднем сиденье лежали две сумки. Десять лет жизни. Две пары джинсов, два свитера, безликая водолазка да пальто из плащевки на рыбьем меху. Еще нижнее белье. Заштопанные колготки.

– Вот что я тебе скажу, – сурово начала Люба. Не слишком ли сурово? – Хочешь, верь мне, хочешь, нет. Вы еще встретитесь. И все будет по-другому. Как подсказывает мой жизненный опыт, через какое-то время все переворачивается с ног на голову. С точностью до наоборот. И в человеке, которого ты выкинул когда-то из своей жизни, возникает вдруг острая нужда. А бывает и так, что от него зависит теперь твоя судьба. Это закон сохранения в действии. Тот, кто им пренебрегает, плохо кончает. Ты меня поняла?

– Ко мне это не относится, – тихо сказала Кася. – Я никто.

– Посмотрим.

Встретил их Борис. У Любы возникло ощущение, что он от Климова и не вылезает. Уж не живет ли Борис теперь здесь? Но вещей красавца в квартире не было. Зато в одной из комнат будут лежать теперь Касины. Увидев ее пожитки, Климов расхохотался:

– Богачка! Что, обидели тебя прежние хозяева?

– Нет, я всем довольна. Разрешите, я пойду на кухню?

– Валяй!

Кася скользнула мимо Бориса, не поднимая глаз. Тот по-прежнему не обращал на нее никакого внимания. Словно бы это было пустое место. Вид у него был задумчивый.

– Что случилось? – спросила Люба.

– Сам не пойму. Ко мне должен был поступить отчет. От человека, который ездил в Ольховку. Прежде, чем продолжить поиски, я хотел бы ознакомиться с результатами. Надо от чего-то плясать.

– И что?

– Его мобильный телефон не отвечает. Звоню в агентство, мне говорят, что еще не был. Весь день звоню, ответ тот же. Все это немного странно. К тому же у меня полно работы. Кроме поисков дочери Георгия Кимовича я еще должен исполнять свои непосредственные обязанности.

– А именно?

- Держать всех в узде. Как при Климове.
- Он что, совсем отошел от дел?
- Почти. Все, что его волнует, это Мария Георгиевна. А она как сквозь землю провалилась. В списках живых не значится.
- И если вы не справитесь...
- Тогда меня уволят.

Он сказал это почти что весело. Сверкнули белоснежные зубы. Люба поняла, что выбор-то у Бориса невелик. Либо держаться за Климова и вести дела от его имени, либо искать другую работу. Искать хлопотно, да и с нуля начинать проблемно. Следовательно, надо остаться при Климове. А на дворе лето. Не сезон. Продажи падают, сотрудники разъезжаются в отпуска. Кому-то наверняка придет в голову мысль не возвращаться в компанию. Тем более что Климов, при котором дела шли хорошо, почти отошел от дел. Если к осени ситуация не изменится, а Георгию Кимовичу станет хуже, Борису придется искать новую работу. А жить он привык хорошо. Интересно, какая зарплата у топ менеджеров? Спросить? Это будет нескромно.

- О чем вы думаете?

Люба невольно вздрогнула.

- Я думаю о том, что неплохо было бы попроситься на обед. Кася великолепно готовит.

Из кухни уже плыл аппетитный запах готовящейся еды. Климов выглянул из своего кабинета и потянул носом воздух:

- Вроде как щи. Странно.

- В чем дело, Георгий Кимович?

– Сам не пойму. Что-то до боли знакомое. Или я отвык от домашней кухни? Из ресторана еду заказываю. А она совсем не так пахнет. Я не говорю, что это невкусно. Но... По-другому. Как-то вдруг тепло на душе стало.

Лицо его и в самом деле посветлело.

- Вспомнил! – сказал вдруг Климов и посмотрел на Бориса. – Ну, как там? Где моя дочь?

- В ближайшее время все прояснится, Георгий Кимович, – заверил тот.

- Ну, смотри! Ежели что, я с тебя шкуру спущу!

«Меж двух огней парень, – подумала Люба. – Совет Директоров и Хозяин. Как-то он выкрутится?»

Обедали вдвоем, Кася за стол не села. Суежилась у плиты, меняла тарелки. Иногда подходила с подносом, предлагала то или иное блюдо. Вид у нее был счастливый.

– Люблю, когда в доме много хорошей еды, – шепнула она Любе, улучив момент. – И когда съедают все, что я готовлю.

Мужчины и в самом деле уплетали Касину стряпню за обе щеки. Борис впервые взглянул на молодую женщину с интересом.

– Вы замечательно готовите, – заметил он. Кася вспыхнула от удовольствия. И враз похорошела. А Климов пошутил:

- Вот на ком надо жениться, олух! А твои модельные блондинки – фуфло!

- Георгий Кимович...

– А ты меня не перебивай. Раз говорю фуфло, значит – фуфло! Ни одной стоящей не видал. Детей-то кто тебе будет рожать?

По взгляду Бориса Люба поняла, что у того есть что возразить. Ведь покойная жена самого Георгия Кимовича была женщиной модельной внешности. И, кажется, блондинкой. Но Борис промолчал. Как и всегда.

- Я, пожалуй, пойду, – сказала она. – Огромное спасибо за обед. Все было очень вкусно.

- Куда собралась? – остановил ее Климов.

- Вечер уже, – напомнила Люба.

- Оставайся ночевать.

– Спасибо, но я домой поеду. Мне завтра с утра на лекции.

Голос ее был тверд. Климов, который относился к ней с уважением, уступил. И велел:

– Борис, проводи.

– Вы что, весь день здесь? – спросила Люба, когда они очутились в холле.

– Пока да. Когда Георгий Кимович был в больнице, я большую часть времени проводил в офисе. Сейчас мы приводим в порядок дела. Работаем здесь. В его кабинете.

– Готовитесь к приезду наследницы? – с иронией спросила Люба.

Его рот словно отвердел. Теперь Борис не улыбался.

– Я все еще надеюсь на вашу помощь, – сухо сказал он. – Если полученная мною информация о смерти Марии Георгиевны подтвердится. Тогда мне срочно понадобится психолог.

– Вот когда подтвердится...

... Люба сидела на кухне и гадала. Как поступить? Начать игру, которую предлагает Борис, или же сказать Климову горькую правду? Первое более гуманно, но нечестно. И как потом вывернуться? Георгий Кимович привяжется к чужой ему женщине, и неизвестно, чем все это закончится. Нет, вариант не подходит. Надо придумать что-то другое. Может, просто потянуть время? Надо бы его чем-нибудь отвлечь. Вроде бы с появлением в доме Каси Климов стал поспокойнее.

Она посмотрела на экран. Чуть не пропустила! Апельсинчик вновь на вахте! И лицо у нее такое, будто бы Люська выиграла миллион в мгновенную лотерею! Глаза блестят, волосы дыбом, как шерсть у кошки, завидевшей огромную собаку, но не собирающейся отступить. Готова дать бой! Ну-ка, ну-ка... Люба прибавила громкость.

– ... О-ля-ля! Сегодня на второе – «взрывное» блюдо под острым соусом. Загадочные события на Северо-Западе столицы! Очевидцы происшествия утверждают, что никогда ничего подобного не видели! Сначала тоннель, в котором вот уже несколько дней нет света, внезапно был атакован десятками крошечных фонариков. Потом в этом же тоннеле нашли труп мужчины с ножевым ранением. А потом в милицию поступила информация, будто все в том же тоннеле заложена бомба. Наша съемочная группа прибыла на место происшествия уже после того, как саперы обшарили весь подземный переход. Никакой бомбы в нем не обнаружено. Как удалось выяснить нашему корреспонденту, это была всего-навсего акция флэш-моб, сценарий которой называется «Шахтеры». Почему вдруг решили, что в тоннеле заложена бомба, непонятно. – Люська развела руками. – Придется просветить наших сограждан и тоже зажечь в тоннеле свет, раз модное движение набирает силу. Придется вам, граждане, привыкать. Флэш-моб – это вполне безобидное развлечение молодежи. И пока еще не понятно, какое отношение имеет ко всему этому найденный в тоннеле труп. Сотрудники правоохранительных органов от комментариев пока воздерживаются. Мы же обещаем держать вас в курсе событий. И подробно рассказать о движении флэш-моб, а также заснять некоторые из акций. Оставайтесь с нами! А теперь, как обычно, СЛИВки...

Люба покачала головой: да-а-а... Люська, как всегда, в центре событий. Теперь ее заинтересовало движение флэш-моб. Люба посмотрела на экран: «Дежурное меню» заканчивалось. И, как всегда, вскоре зазвонил телефон.

– Ну и как тебе? – раздался в трубке напряженный голос Апельсинчика.

– Хорошо.

– Хорошо?! Да это ж сенсация! Убийство во время флэш-моба! – завопила подруга.

– Люсенька, это все твои фантазии. Еще ничего не доказано.

– Я нюхом чую: это сенсация, – возразила Апельсинчик. – У меня интуиция. Веришь, нет? Кончики ушей пылают. А по всему телу мурашки бегут. Я та-а-кое отниму! Все ахнут! Кстати, у меня к тебе просьба.

– Что такое? – слегка насторожилась Люба.

– Я с компьютером не в ладах. Даже несмотря на то, что мой муж... как это он сам говорит? Продвинутый пользователь! Во! Пошарь-ка в Интернете, будь добра. Сделай мне подборочку.

– Какую?

– Насчет флэш-моба.

– Люсенька, у тебя же целый штат сотрудников! – взмолилась Люба. – И муж – продвинутый пользователь. Я-то здесь при чем?

– Мне нужен свежий глаз, – отрезала подруга. – И помощь психолога. Мой муж, конечно, золото, но лучше бы ему иногда не знать о том, чем я занимаюсь. Вспомни историю с машинами, которые подставляли доверчивым женщинам. После той аварии мне здорово влетело. А это приключение (ох, чует мое сердце!) будет не менее захватывающим! Я даже подумываю затесаться в ряды флэш-моберов. И хочу знать, что *ты* по поводу всего этого думаешь?

– Я думаю, что это чушь. Случайное совпадение.

– Люба, ну, что тебе стоит? – заныла подруга.

– Сожалею, но у меня мало свободного времени, – твердо сказала Люба. Подруга ничуть не обиделась.

– Не хочешь, как хочешь. Но в гости-то зайдешь? Поболтать.

– Зайду, – пообещала Люба. И не стала напоминать, что уже заходила вчера, но неуловимую Люську не застала.

– Тогда до встречи, – таинственно пообещала подруга и положила трубку.

«Мне только этого не хватало. Флэш-моба, – и Люба печально посмотрела в окно. По небу бродили тучи. – Модное движение молодежи. Ко мне все это не имеет ни малейшего отношения. Ведь я не молодежь. Ни малейшего...»

Если бы она знала, насколько ошибается! И если бы знала о том, что произойдет в ближайшие полчаса! В то время, пока Люба заваривала свой любимый ароматный зеленый чай, ее судьба неумолимо надвигалась. Люба никуда не спешила. Она наслаждалась процессом. Надо залить отборные чаинки кипятком, потом подождать, пока они разбухнут, дать напитку настояться. Потом пить, смакуя. Одну чашечку, вторую...

Она как раз допивала чай, когда раздался звонок в дверь. Судьба уже стояла на пороге. Мало того, она стучалась в дверь. Барабанила в нее кулаком.

Глава 5

Потерпевший

Она открыла дверь и не поверила своим глазам. На пороге стоял Стас. Майор Самохвалов собственной персоной, правда, в штатском, без погон. Но Люба знала, что ему недавно дали майора. Не удержался ведь! Позвонил и похвастался! И то, что он теперь начальник отдела! Плел какую-то чушь, явно новую звездочку обмывал, потом вдруг сказал «извини, мне некогда» и повесил трубку. Люба решила, что больше никогда ему не позвонит. А он никогда больше не придет. И вот вам, пожалуйста!

– Почему ты стучишь вместо того, чтобы воспользоваться электрическим звонком? – возмущенно спросила она. – Это же элементарно!

Она посмотрела на Самохвалова и поняла, что в данном случае замечание не уместно. А что касается элементарного, то Стас просто не в состоянии был производить такие элементарные действия, как использование кнопки электрического звонка по прямому ее назначению. Потому что был пьян, и здорово пьян. Люба оторопела. Вот это наглость! Мало того, что Самохвалов является к ней без предупреждения, после нескольких месяцев молчания, да еще в таком виде! Ну и хамство! Люба хотела было захлопнуть перед его носом дверь, но Стас применил физическую силу. Даже будучи пьяным, он был сильнее трезвой Любы Петровой. И она вынуждена была отступить.

– Я сейчас вызову милицию, – пообещала она.

– Мы уже здесь. Я вас слушаю, гражданка Петрова. На что жалуемся? – Стас привалился к двери и нагло прищурился. Взгляд у него не фокусировался, и Люба здорово разозлилась.

– Я жалуюсь на хама, который ввалился ко мне в квартиру! – сердито сказала она. – У тебя совесть есть?

– Нет. Я нуждаюсь в помощи психолога. Вынужден настаивать.

– Приходи завтра ко мне на прием. Я с удовольствием тебя выслушаю.

– Люба, помоги мне, – вдруг жалобно попросил он и беспомощно посмотрел на нее пьяными синими глазами. – Мне очень плохо.

– Что случилось? – также серьезно спросила она.

– У меня друг умер.

– Проходи.

Люба посторонилась, и наглец проник в ее квартиру. Захлопнул дверь и по-хозяйски огляделся:

– Давненько я здесь не был.

Ну, куда от него деваться? Тем более у человека беда. Или врет? Люба внимательно посмотрела на Стаса. Нет, не врет. Никогда бы он к ней не пришел, если бы не...

– Что, твоя новая женщина не может тебя утешить? – не удержалась она.

– Никто не сделает этого лучше старой, – философски заметил Стас. – Когда мужчина и женщина расстаются друзьями, это уже на всю жизнь.

– Что на всю жизнь? – насторожилась Люба.

– Дружба, разумеется! А ну-ка...

Стас отодвинул ее плечом и прошел на кухню.

– Извини, но выпить нет, – сухо заметила Люба, когда он плюхнулся на шаткий табурет.

Самохвалов молча достал из кармана джинсовки бутылку водки и с грохотом опустил ее на столешницу. Подозрительно оглядев кухню, заметил:

– Есть у тебя нечего, я знаю. Ты по-прежнему отвратительно готовишь. Но хоть кусочек чего-нибудь. Закусить, – взмолился он.

Люба тоже молча достала из холодильника кастрюльку, в которой еще оставался Касин суп. Поставила ее на плиту, и когда по кухне поплыл восхитительный аромат, Стас вытаращил глаза:

– Не может быть! У тебя есть еда?!

Забыв о водке, он жадно набросился на суп.

– М-м-м... – сказал Самохвалов, выскребая тарелку. – Еще чуть-чуть, и мы с тобой больше не друзья.

– А кто?

– Мужчина и женщина. Я почти готов признаться тебе в любви, Любовь Александровна. Помнится, раньше я этого не делал.

– У тебя плохая память, – сухо сказала она. – Однажды ты спас меня от бандита. И сказал, что любишь.

– Ну, это не считается! Ты была в опасности, и я тебя утешил. Всего лишь. Но сейчас, Люба! Я полон чувств!

– А всего-то тарелка супа, – невольно вздохнула она. – Как мало вам, мужчинам, надо! Успокойся, это не я готовила.

– А кто? Покажи мне ее! – потребовал Стас. Наевшись горячего супа, он почти пришел в себя. – Ах да! Я догадался! У тебя в гостях была Люська! Ну, конечно! Кто еще так замечательно готовит!

– Ошибаешься. Это готовила другая женщина.

– Как много, оказывается, на свете женщин, которые умеют готовить, – уныло сказал Стас. – Что ж мне-то так не везет? А?

– Ты наелся? Успокоился? Или что-то еще?

– Что-то еще, – Стас посмотрел на нее в упор.

– И не мечтай.

– У тебя уже кто-то есть? – обиделся он. Люба оторопела: уже! Когда он в последний раз здесь появлялся? Или Самохвалов считает, что после разрыва с любовником женщина должна год носить траур?

– Да, – соврала она. И отчего-то посмотрела на телефон, под которым лежала пачка газетных объявлений «Муж на час». И поспешила сменить тему: – Так что же все-таки случилось?

– Убит Володька Шестаков, – враз помрачнел Стас. – Когда-то мы работали вместе. Потом ему все это осточертело. Денег платят мало, да еще дергают постоянно. Жена задумала. Надо, мол, улучшать жилищные условия, мужик ты или не мужик? Не мне тебе объяснять, какие вы, бабы, стервы.

– Упрек не по адресу, – возразила Люба. – Я, кажется, никогда не требовала, чтобы ты оставил работу в милиции.

– Не требовала. У тебя другой недостаток.

– Какой же?

– Ты слишком умная. Жить с умной женщиной – это все равно что разгадывать викторину. Неправильно ответил на вопрос – не получил приз. Под призом я понимаю секс, – невинно посмотрел на нее Стас. Что взять с пьяного? – Я понял, что мой уровень знаний не соответствует.

– А повышать не пробовал? Чтобы соответствовать?

– Это выше моих сил, – вздохнул Самохвалов.

– Вернемся к Шестакову, – резко сказала она – Что с ним случилось?

– Ах да. Я остался, а он ушел. В частное детективное агентство. Как бишь оно называется? «Частная жизнь»? Точно! У меня и визитка Володькина есть. Погоди-ка...

Он полез в карман джинсовки, которая теперь висела среди кухонных полотенец. И как только крючок выдержал! Всегда так! Стас уйдет, а крючок отвалится! Вредитель! А Любе

потом искать настоящего мужа, хотя бы на час! Люба, которой визитка Шестакова вовсе не была нужна, все еще злилась. Вот, оказывается, в чем причина ухода Самохвалова! Она для него слишком умная!

– Вот. – На стол легла визитка. Люба машинально взглянула. – «Владимир Шестаков. Частный детектив».

– Ну и что? – спросила она.

– Вроде бы ему там понравилось. В агентстве. Платят хорошо, работа не пыльная. Банальная слежка. Сделать компрометирующие фотографии, выяснить, не ходит ли муж налево. В основном женщины обращались.

– Фу, какая гадость! – поморщилась Люба.

– Отчего же гадость? – не согласился с ней Стас. – Это, милая, жизнь. В общем, Володька был доволен. Мы перезванивались, изредка встречались. В сауну ходили. – Он вздохнул. – Я ему звонил неделю назад. Володька загадочно сказал, что есть денежная работенка. Смотаюсь, мол, в командировку, получу гринны и накрою поляну.

– В сауне?

– Нет, зачем же? Какая ты, однако, глупая! – (Только что говорил обратное.) – Мы на дачу к нему собирались. Лето на дворе, милая! Или ты не замечаешь изменения в природе и погоде? В окно-то посмотри!

– Я все замечаю, – она выразительно посмотрела на бутылку водки.

– Это тоже жизнь, – поймав ее взгляд, сказал Стас. – И нечего морщиться. В общем, я знал, что Володька вчера приезжает. Позвонил ему на трубу, он сказал, что все, мол, о'кей, но говорить не может, потому что готовится к деловой встрече. Бумаги малюет. Бойтся, что потеряет мысль. Я еще удивился. Было около полуночи. Какие документы в столь позднее время? Что за пожар? Володька сказал: перезвони, мол. Но я уснул. Позвонил сегодня утром. Телефон не отвечает. Звонил до полудня, потом на работу. Сказали, что сами ждут. Клиенты, мол, телефон оборвали. Где Шестаков? А Шестаков как в воду канул! Это меня насторожило. Не похоже на Володьку. Для него работа – это все. Чтобы Володька кинул клиентов? Никогда! Я сделал запрос. Сводку происшествий по городу. И что ты думаешь?

Стас потянулся к бутылке водки и стал откручивать пробку.

– Может, не надо больше? – напряженно спросила Люба.

– Помянем. И ты выпей. Хороший был человек. А его зарезали.

Она не стала возражать, на столе появились две рюмки.

– Чуть-чуть. Стас! Ты что, не слышал?

– Я знаю, что ты водку не пьешь. Но... Человек был хороший.

Стас плеснул ей полрюмки, себе налил полную. Выпили.

– Как это случилось? – спросила Люба, невольно поморщившись. Водку она терпеть не могла.

– Тухляк. Такие убийства не раскрываются. Его нашли в подземном переходе. Ножевое ранение в бок, в область печени. Пролежал Володька там часа два. В переходе не было света. Все ходили, об него спотыкались. Место происшествия затоптано. Нож тоже. Чуть ли в стенку вмазали. Никаких отпечатков. Ни-че-го. Да еще какие-то флэш-моберы затесались.

– Что-о?!!!

– Милая, что с тобой? – испугался Стас, увидев выражение ее лица. И отчего-то подумал, что Люба поперхнулась, стал стучать кулаком по ее спине. Тогда уже Люба и в самом деле закашлялась и взмолилась:

– Не надо!

Какое-то время она была в шоке. Значит, человек, о котором упоминала Люська в своем репортаже – Шестаков! Частный детектив! Друг Самохвалова! Поистине, мир тесен!

– Ты смотришь передачу, которую ведет Люся? – спросила она у Стаса. Тот скривился:

– «Дежурное меню»? Упаси Боже! Лучше бы она занималась кулинарией! Твоя любимая подруга! Чего ее вдруг потянуло на криминал?

– Понятно. Ты, как профессионал, не одобряешь дилетантов, которые пытаются вести частное расследование.

– Именно.

– Но сегодня ты напрасно не смотрел «Дежурное меню». Их съемочная группа выезжала на место происшествия. Люська заинтересовалась убийством твоего друга и утверждает, что флэш-моб «Шахтеры» имеет к нему прямое отношение.

– Ты это серьезно? – вытаращил глаза Стас.

– Сначала я тоже сказала ей, что это полная чушь. Но то, что убитый был сотрудником частного детективного агентства, все меняет.

– Но при чем тут этот... как его? Флэш-моб!

– Вот это-то нам и надо выяснить.

– Тухляк! – запротестовал Стас.

– Ты что, не хочешь найти убийцу своего друга?

– Да я жизнь за это отдам! – он только что не рванул на груди рубаху. Понятное дело, пьяный. – Но поверь мне, как оперативнику с многолетним опытом работы. Найти концы невозможно.

– Я так понимаю, это не твоя епархия.

– «Крюково»? Разумеется! Но при чем здесь это? Я же сказал, что за друга готов... В общем, готов.

– Кстати, как он оказался в Крюково?

– В смысле? Он там живет! То есть жил, – поправился Стас. – Пока Шестаковы копили деньги на размен квартиры на большую с доплатой, цены взлетели до небес. Володьке пришлось согласиться на Зеленоград. Они туда переехали два года назад, в новый дом. Квартира огромная, я у него был. Володька прямо светился от счастья. Это вам не однушка в Бирюлево! На работу, правда, ездить далеко. Но ведь не ко времени. У частного детектива график свободный. Оплата по факту.

– А чем он занимался в последнее время? Куда ездил?

– Если бы я знал! – развел руками Стас. – В командировку ездил. А куда? Это, милая, частная жизнь. Не афишируется... Люба, у меня в голове не укладывается! Володька Шестаков, и этот... как его? Флэш-моб!

– Может, это все-таки простое совпадение? – задумчиво спросила Люба. Она колебалась.

– Скорее всего. Я, разумеется, наведаюсь к коллегам в Крюково. Узнаю, что они уже успели выяснить. Попробую получить адреса свидетелей. И узнать, чем Володька занимался в последнее время.

– А я попробую узнать, кто организовал флэш-моб «Шахтеры». И сделаю подборку из Интернета.

– Опять эти компьютеры! – скривился Стас. – Ни черта в них не понимаю! Послушай, милая, – он бросил на Любу загадочный взгляд. И чарующе улыбнулся. Она поняла: сейчас последует просьба.

– Я слушаю, – сказала холодно.

– Я в курсе, что ты разжилась личным автотранспортом, – вкрадчиво сказал Стас. – Новенькая тачка, из салона.

– И что?

– А моя машина на ремонте. – Его синий взгляд сделался обволакивающим.

– Я не дам тебе свою машину, – твердо сказала Люба.

– Почему? – обиделся он. – Я прекрасно знаю, какой из тебя водитель. Ты ни за что не сунешься в московские пробки.

– Во-первых, это моя машина. А во-вторых... Ты сам в нее не сядешь.

– Почему?

– Потому. Как только ты ее увидишь, ты сразу же передумаешь.

Стас посмотрел на нее с удивлением. Потом что-то смекнул и не удержался. Расхохотался, несмотря на несчастье, которое случилось сегодня с его близким другом:

– Не может быть! Это сиреневое чудо, которое стоит у подъезда... Люба, не может быть! Ну, разумеется! Я сразу должен был догадаться, что это *твоя* машина!

– Да, это моя машина.

– Ну, ты даешь! Нет, это просто возмутительно! Нельзя доверить покупку машины женщине! Скажи мне, почему из каталога, где есть масса приемлемых для тачки цветов, ты выбрала именно *это*?

– Я не знаю. Мне так захотелось. Накопи на свою и покупай, что хочешь, – обиделась она. – А ко мне не лезь!

– Какая несправедливость! – развел руками Стас. – У меня нет возможности купить иномарку из салона, а у нее есть. И она выбирает *это*. Да, ты права. Я в нее не сяду. Не дай бог, подумают, что я голубой!

– Никто не сомневается в твоей мужественности, – заметила Люба. – Ведь при тебе всегда есть пистолет.

– Я в нее не сяду, – повторил Стас. – За руль. Даже с пистолетом за пазухой. Даже в ковбойских сапогах. Со шпорами. Но тогда это придется сделать тебе.

– Что это? – враз испугалась она.

– Поехать со мной в детективное агентство.

– А сам? На метро?

– Милая, пожалей мои нервы. Частное расследование надо проводить с комфортом. Я как черт устаю на работе. К тому же я по тебе соскучился. Хочу, чтобы мы какое-то время побыли вместе.

– Врешь! Но так и быть. Я с тобой поеду. Просто потому, что мне интересно. Когда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.